

Сон и Порох

18+

АМЕТИССА ГРЭСС

Аметисса Грэсс

Соль и Порох

«Автор»

2026

Грэсс А.

Соль и Порох / А. Грэсс — «Автор», 2026

Здесь кровь давно стала валютой наравне с золотом. В мире, где люди вынуждены сосуществовать вместе с древним и сильным видом... В мире, где хрупкое равновесие между людьми и вампирами выстраивалось веками, разрушить его может даже самое глупое обстоятельство. Лоран уже 15 лет как оправдан по делу об убийстве Арно Ренара, но все эти годы он остаётся главным подозреваемым. Когда сталь прижимается к ребрам в полумраке театральной ложи, враги заключают невозможный союз. Скованные магическим обрядом «Цепей», охотник и его жертва вынуждены спуститься в самые темные подвалы Ватикана и тайные лаборатории Европы. Им предстоит выяснить: кто на самом деле стоит за жестокими убийствами служителей Церкви Баланса. Но как доверять тому, чью кровь ты жаждешь пролить... или выпить?

© Грэсс А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	35
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Аметисса Гресс

Соль и Порох

Глава 1

*Мне рассвет подрезал крылья,
было явью, стало пылью
Только губы помнят этот
сладкий вкус
Ото всех скрывают стены,
у меня нет даже тени
Как всегда сгинет день
и я опять вернусь
Электрофорез - Фейерверк*

Вечернее солнце Палермо лениво переползало за горизонт, оставляя за собой багряную дымку, словно подождённых растрёпанных, дымных облаков. Его свет уже не был столь обжигающим, как бывает в середине дня, когда солнце властно осматривает свои уголья, обжигая своим жаром любого, кто посмел работе предпочесть праздную прогулку. И, безусловно, жалея того, кто существует, обманывая саму суть жизни.

Запряжённая взмыленной, старой лошадкой повозка проехала к городским воротам Палермо, чавкая колёсами по вмятинам в дощатой мостовой. В распахнувшие свои двери трактиры постепенно стягивались работяги, скабрёзно перешучиваясь и жалуясь на трудный денёк. Где-то во дворах гоготал особенно мерзкоголосый гусь.

Мимо выскользнувшего из повозки Лорана, помахивая сложенным зонтиком в постаревших ладонях, прошла статная, крупная женщина. Изредка она останавливалась и оборачивалась, поторапливая отстающих от неё питомиц — двух очаровательных, белокурых девчушек, затянутых в платья из зелёной парчи, словно лошади в новые хрустящие сёдла.

Лоран, укутанный в чёрный сюртук с высоким воротником, шагал по узким улочкам, где запах апельсинов смешивался с солью моря и дымом угольных печей. Солнце ещё цеплялось за край неба, но его лучи уже не жгли кожу, как полуденный огонь. В свои семьдесят шесть он выглядел юношей лет двадцати — с припухлыми щеками, фиолетово-красными глазами, скрытыми за дымчатыми стеклами пенсне, и волосами цвета лунного серебра. Чёрный цвет делал его похожим на фарфоровую статую, оживающую в сумерках. Недавнее затянувшееся нахождение под открытым солнцем оставило несколько неопрятных красных пятен на гладком лице. Особенно досталось носу, кончик его уже шелушился и неприятно ныл.

Путь был нелёгким, и де Вир чувствовал себя измотанным. Тело истратило немало сил, пока он добирался до нужного ему тракта под палящим итальянским солнцем. Он чувствовал, как кровь в жилах требует своего — не воды или вина, а живой эссенции, что утоляет вечную жажду.

Он остановился у неприметного фасада на Виа Мазара. «Кровавый салон» прятался за вывеской аптеки: скромная дверь с латинскими буквами *Pharmaceia Sanguinis*. Внутри — запах формалина, воска и чего-то металлического. Хозяин, толстый сицилиец с седеющими бакенбардами, кивнул Лорану, не задавая вопросов.

— Ваша порция, синьор де Вир, — пробормотал он, подавая запечатанный флакон. Кровь была свежей, из квоты бедняков — густая, с привкусом оливкового масла и соли. Лоран бросил несколько монет на стол и сделал глоток прямо там, за прилавком. Жидкость растекалась по венам, как жидкий огонь, возвращая силы. Он выдержит театр, выдержит даже дневной

свет завтра, если погода смилуется. Но жажда — вечная спутница — шептала: мало. Однако брать больше значит вызывать ненужные вопросы.

Лоран де Вир мог справиться даже с первобытным голодом: диким и всепоглощающим. Он сталкивался с таким в молодости, когда организм молодого вампира претерпевал изменения и приобретал повышенную регенерацию. Молодняку всегда требовалось много крови, а эссенции — ещё больше.

Выйдя на улицу, Лоран вдохнул вечерний воздух Палермо. Город жил: смех из таверн, цокот лошадей, тянущих на себе конные трамваи, далёкий гул порта. Поправив шляпу затынутой в коричневую кожаную перчатку рукой, Лоран внимательно огляделся по сторонам и свернул в узкий проулок, изящно перешагнув чьи-то ноги в дырявых сапогах и двинулся вниз по улочке. Нос обжигали десятки запахов, за многие годы жизни так и не ставшие ему привычными, хотя сейчас Лоран воспринимал итальянские ароматы с куда большим спокойствием.

Он остановился между ещё не зажженным фонарём и углом дома, со второго этажа которого вниз свешивались на оборванной верёвке праздничные флажки - бумага их потемнела, края некоторых были словно изжеванными от постоянных трений о стену. Лоран бессознательно ловил ухом шелест каждый раз, когда от порыва ветра флажки врезались в стену.

Де Вир слышал торопливый шаг ещё до того, как девушка вышла из дома. Её лицо было печальным и словно потерянным, она смотрела под ноги и не обращала внимания ни на крутящуюся возле ограды бродячую собаку, ни на затаившуюся в полумраке фигуру. Её душа была такой слабой, такой безвольной, что Лоран не мог отказать себе в этой слабости. В иных обстоятельствах он бы ни за что не нарушил закон, но сейчас, не имея возможности воспользоваться зарегистрированным донором и не оставить следов, выбора не было. Лоран не мог позволить себе ослабеть сильнее.

Он позвал её, и юное создание откликнулось на этот зов подобно мотыльку, летящему к свету лампы. Девушка нахмурилась, почувствовав странное смятение внутри себя, и подняла голову - через дорогу Лоран в ту же секунду поймал её взгляд, и этого было достаточно. Глаза девушки затуманились, она покачнулась неловко, как кукла, шагнула на дорогу. Безвольная марионетка в паучьих сетях.

— Синьорина, позвольте проводить вас, уже очень поздно, — молодой человек улыбнулся и протянул ей руку. Девушка заторможено подняла свою и устроила на крепком локте, позволяя Лорану увлечь её в узкий проулок.

Тепло маленьких пальчиков на своей руке Лоран ощущал даже сквозь одежды. Увидь их кто-то кроме спрятавшихся в щелях крыс, вряд ли хотя бы у одного человека возникла мысль о том, что девушке грозит опасность.

— Простите? — ладонь на локте Лорана ослабла. Девушка пошатнулась.

Он мягко, почти бережно придержал её под локоть и увлёк глубже в тень, туда, где между стен домов уже сгустился вечерний сумрак и сырой камень отдавал накопленным за день теплом. Отвратительный запах нечистот вряд ли завлек бы сюда случайного свидетеля.

Девушка моргнула несколько раз, будто пытаясь проснуться, но взгляд её оставался стеклянным, размытым.

— Всё хорошо, — тихо произнёс Лоран. Его бархатный, вкрадчивый тон, которым его род владел испокон веков, звучал убаюкивающе. — Вам только нужно немного постоять. Вы, должно быть, устали.

Она послушно кивнула. На виске выступила прозрачная капля пота.

Лоран почувствовал, как в нём вновь пробуждается жажда. Настоячивое желание почувствовать пряный, солоноватый вкус того, что дарует вампиру во много раз больше сил, чем дурацкий эликсир.

Он склонился к девушке ближе, уловил запах дешёвого мыла, пыли, молодого пота и крови, горячей и сладкой от недавней ходьбы. Кожа на её шее была тонкой, почти прозрачной в сумеречном свете.

На одно краткое мгновение он замер.

Когда-то ему было жаль. Слабых, покорных, подверженных болезням и соблазнам. Живущих так непозволительно мало и так глупо для существ, за счастье считающих преодолеть порог в семьдесят лет.

Сейчас это было не важно. Сколько можно взять, чтобы не свалить с ног. Где оставить след, чтобы воротник скрыл, пока четыре крохотные ранки не затянутся. Сколько времени нужно, чтобы внушение удержалось и не превратилось в панику.

— Посмотрите на меня, — сказал он.

Она послушалась.

Тогда он наклонил голову и коснулся губами её шеи — сперва почти целомудренно, как поцелуй кроткого любовника. Девушка вздохнула, ресницы её дрогнули. Когда клыки вошли в плоть, она тихо охнула. Её тело окутала слабость.

Кровь была свежей, чуть терпкой, с едва уловимым вкусом анисовой настойки и дешевого спирта из микстур, выдаваемых больницей при монастыре. Лоран пил медленно, не позволяя себе животную поспешность даже в такие минуты. Несколько глотков. Не больше.

Он чувствовал, как тянущая ломота в мышцах отпускает, как перестаёт саднить обожжённая кожа на лице, как в голове проясняется и выравнивается тяжёлая, мутная мысль. Ещё немного — и было бы совсем хорошо. Ещё немного — и девушка осела бы у его ног бескровным мешком костей и кружев.

Он отстранился.

На губах осталась алая полоска. Лоран вынул платок насыщенного синего цвета с вышитыми золотыми лилиями на уголке. Неторопливо промокнул рот. Другим движением — столь же привычным, как застегнуть перчатку, — прижал к ранке на шее девушки свой большой палец. Кровь перестала выступать. Следы станут почти незаметны через четверть часа.

— Сейчас вы пойдёте домой, синьорина, — произнёс он. — Скажете матери, что вам стало дурно от жары. Выпьете воды с солью. И ляжете спать.

— Воды с солью, — послушно повторила она.

— И никому не расскажете, что встретили меня.

— Никому.

Он отпустил её руку.

Девушка постояла, покачиваясь, точно стебель в слабом ветру, затем послушно вышла из проулка и зашагала обратно к дому. Уже на повороте она машинально коснулась шеи, нахмурилась и, не найдя в памяти ничего отчётливого, скрылась за дверью.

Лоран ещё несколько секунд стоял в тени, слушая, как за стеной кто-то ругает ребёнка. Вдали, над портом гудел корабельный рожок. Взгляд его, до того мутноватый от голода, снова стал ясным. Он убрал платок, поправил очки и тихо выдохнул.

Нарушение закона. Пустыжковое, по меркам его клана, и вместе с тем совершенно достаточное, чтобы при случае лечь ещё одним кирпичиком в список его обвинений. Если бы кто-нибудь пожелал их собрать.

Впрочем, он как никто другой знал, не существует малого проступка, когда кому-то выгодно объявить тебя чудовищем.

Неспешным ровным шагом де Вир вышел из проулка. На площади перед маленькой церковью зажгли первые газовые рожки; жёлтые огни дрогнули в стекле, и лица прохожих сразу стали похожи на восковые. Слабый жёлто-оранжевый свет превращал легкую усталость в тяжёлую драматическую маску, а румянец от освежающего вечернего ветерка — в настоящую лихорадку.

Палермо любил играть даже тогда, когда не знал, что на него смотрят.

Лоран любил это в людях. И презирал.

Он прошёл мимо уличного музыканта, лениво терзавшего мандолину. Задержался возле торговца жареными каштанами, завернутыми в бумажные кульки. После крови в нём пробуждался вполне человеческий аппетит. Сладкие, ещё горячие каштаны обошлись в пару мелких монет. Вкус, так похожий на картошку, которую они с Арно подкапывали к костру, будучи детьми.

Благородному юноше из дома де Вир есть крестьянскую картошку не предстало, но тогда, сбегая с Арно в лес за поместьем, он чувствовал себя намного более живым, чем спустя десяток лет, когда взросление, вместо превращения в старение, остановилось.

Мимо прошли два юнца, спорящие о ближайших лошадиных скачках. Лоран вышел к освещённому кварталу, где уже тянулись к небу фасады богаче и чище, на мостовой не чавкала грязь, а по мощенной дороге звонко отбивали колёса экипажей.

Театр Массимо выросал впереди из синеющей вечерней дымки, как храм человеческой гордыни. Лестницы его уже заполнялись публикой — дамами в шёлке, господами с тщательно вычищенными усами, военными, банкирами, иностранцами, праздными наследниками и теми, кто пришёл посмотреть не столько на сцену, сколько друг на друга. Сюда стекалась та часть города, которая желала быть увиденной.

Лоран не спешил. Он снял перчатку, глянул на кончики пальцев — дрожи больше не было. Хорошо. Теперь можно было показаться на людях.

У входа его приветствовал пожилой капельдинер, уже запомнивший бледного молодого аристократа, появлявшегося в Палермо будто ниоткуда и столь же бесследно исчезавшего через несколько недель.

— Синьор де Вир, — поклонился тот. — Ваше место приготовлено.

— Вы очень любезны, — ответил Лоран.

Он передал трость, поправил платок на шее и поднялся по ступеням. Солнечные ожоги ещё напоминали о себе неприятным жаром на кожу, но держаться стало легко. Он вновь чувствовал себя собой — существом, созданным не для бегства по просёлочным трактам, не для дешёвых съёмных комнат и не для лошадиного пота в дорожных повозках, а для света люстр, приглушённого шёпота лож и терпеливой зависти чужих взглядов.

Внутри театр был прекрасен в той безупречной, чуть удушливой манере, которая всегда сопровождает богатство, искусственно созданное смертными существами. Не то, чтобы сам Лоран не был смертен, однако отведённые ему как минимум три сотни лет не шли ни в какое сравнение с теми, кто едва доживал до его нынешнего возраста. Мрамор, позолота, красный бархат, зеркала — обыденное сопровождение тщеславию. На потолке сияли расписные боги, уже давно ничего не решавшие ни на небе, ни на земле.

Лоран задержался у зеркала. Стекло с тусклой амальгамой отразило его, как и полагалось отражать представителя его рода. Он смахнул невидимую пылинку с лацкана и позволил себе едва заметную улыбку.

На такой улыбке обычно женятся. Или разоряются.

Он вошёл в зал, когда публика уже рассаживалась по местам. Лоран занял своё кресло в боковой части партера, откуда хорошо было видно и сцену, и половину зала. Старая привычка. Человек смотрит на представление; вампир — на людей, которые пришли его смотреть.

В оркестровой яме музыканты настраивали инструменты. Две ложи напротив были заняты местной знатью; в одной из них молодая маркиза в изумрудном платье смеялась, широко распахнув наполовину беззубый рот. В другой расположился старик с орденской лентой. На балконе двое юношей спорили о диве, чьё появление обещали во втором действии.

Лоран отметил всё это привычным, почти машинальным взглядом — и лишь затем ощутил другое.

Пристальный взгляд, прикованный к его макушке.

Лоран не поднял головы сразу. Только пальцы его, лежавшие на серебряно-синем набалдашнике трости, слегка напряглись под перчаткой. И лишь затем он аккуратно посмотрел наверх.

На втором ярусе никого не оказалось. Никого, кто мог бы быть в нём заинтересован. Лишь несколько дам, окруживших американского жиголо да пожилая синьора в траурном одеянии.

Что же, за последние годы де Вир приобрёл нечто, схожее с чувством паранойи. И теперь вполне мог принять заинтересованный взгляд юной девушки за совсем иной интерес.

Музыка началась.

Лоран слушал первые такты без всякого внимания. Чувство угрозы не было для него чем-то новым; скорее, оно давно стало ещё одним фоновым звуком его жизни, как шелест страниц или звон бокалов. Но здесь, в замкнутом, полном свидетелей пространстве, угроза приобретала особую форму.

К середине первого акта вампир почувствовал себя достаточно расслабленным для того, чтобы допустить ошибку.

Лишь когда к шее, под самый край платка, прижалось холодное лезвие, а чуть ниже, в бок, сквозь ткань фрака уткнулся пистолетный ствол, Лоран понял. Он упустил врага. Попустительство паранойе оказалось губительно.

— Только дёрнись, — шепнули у самого уха. Голос был низкий, негромкий, с хрипотцой от злоупотребления табаком. — И мне придётся испортить публике вечер.

Серебро жгло даже через ткань. Не смертельно, но достаточно, чтобы тело мгновенно напряглось, точно в ожидании удара. Лоран медленно перевёл дыхание. Сцена перед ним заливалась светом, сопрано выводила что-то скорбно-победительное. Миг, который для любого другого был бы ужасом, для Лорана оказался до смешного будничным. Он слишком давно жил в ожидании, когда его наконец настигнут.

— Вы выбрали удивительно неудачное место для убийства, месье, — едва слышно ответил он, не поворачивая головы.

Тот усмехнулся. Лезвие чуть сильнее царапнуло кожу.

— Лучше помолись.

Лоран прикрыл глаза ровно на мгновение. Голос он узнал прежде, чем успел подумать. Узнал бы и через двадцать лет, и через пятьдесят. Некоторые несчастья обладают завидным постоянством.

— Мсье Ренар. Я начинаю думать, что вы скучаете без меня, произнёс он с явным облегчением. Вы наконец решили перестать караулить меня на станциях и в гостиницах.

— Заткнись. Вставай.

— С удовольствием бы, но публика может счесть это невежливым.

— Мне плевать на публику.

— Я знаю. В этом и состоит большая часть вашей беды.

Пистолет сильнее вжался в рёбра. Мишель стоял за его плечом так близко, что Лоран чувствовал тепло его тела, запах кожи, дорожной пыли, оружейного масла и чего-то пряного, похожего на табак с гвоздикой. Слишком приятный запах для человека, который последние десять лет возникал в его жизни вместо скелета с косой.

— Вставай, — повторил Мишель. — Тихо. Без фокусов.

— Позволю себе заметить, — так же тихо отозвался Лоран, — что у вас всегда были проблемы с воображением. Вы неизменно полагаете, будто я обязан пытаться сбежать.

— А разве нет?

— Иногда мне просто интересно, что вы скажете дальше.

Несколько ближайших зрителей недовольно обернулись. Лоран чуть склонил голову, изображая перед ними извинение, и поднялся. Мишель сдвинулся следом, не отнимая ни клинка, ни пистолета. Со стороны это могло показаться почти дружеским жестом — один господин помогает другому пройти в проход между креслами. Лишь слишком напряжённая линия плеч и неестественная неподвижность правой руки могли бы выдать правду, но люди вообще редко смотрят на то, что потенциально доставит им неудобства.

Они двинулись вдоль ряда. Лоран шёл плавно, словно и впрямь искал вместе со спутником дорогу в буфет. Мишель — чуть позади, крупный, собранный.

В полумраке прохода Лоран рискнул сказать:

— Вы отточили манеры.

— Зато ты ничуть не поумнел.

— Напротив. Это вы с годами становитесь всё предсказуемее.

Мишель ничего не ответил. Лезвие у горла колыхнулось. От соприкосновения с ним кожу жгло.

Они миновали тяжёлую бархатную портьеру и вышли в боковой коридор. Здесь музыка доносилась глуше. На стенах висели лампы с матовыми колпаками; золотистый свет делал мрамор грязноватым, а человеческую кожу — масляной. Возле ниши с бюстом какого-то давно забытого композитора дремал капельдинер, уронив подбородок на грудь. По счастью или по небрежности, он не обратил на них внимания.

— Дальше, — сказал Мишель.

— Вы могли бы хотя бы поздороваться сначала, — произнёс Лоран. — Всё же мы не виделись несколько месяцев.

— Год и три месяца.

— Надо же. Вы ведёте счёт.

Мишель резко толкнул его к тёмной лестнице, ведущей вниз, к служебным помещениям. Лоран споткнулся лишь для вида; ствол пистолета тут же упёрся сильнее, предупреждая о границах шутки.

— Я веду счёт не месяцам, — сказал Мишель. — А трупам, которые ты оставляешь за собой.

Вот, стало быть, к чему всё сводилось теперь. Лоран едва заметно усмехнулся. Обвинение было новым только количеством, не сутью. Старое дело давно сгнило в архивах, но слухи, как известно, питаются лучше живых существ.

— Какая честь, — заметил он. — Мне приписывают уже не одно убийство, а целое турне.

— Людей находят в Генуе, в Марселе, в Неаполе. До этого — под Турином. Ещё раньше — в окрестностях Лиона. И всякий раз незадолго до этого кто-то видел там тебя.

— Вы произносите это так, будто я с этим связан.

— А разве нет?

Они спустились на площадку между этажами. Здесь было холоднее, пахло известкой и затхлой тканью. Музыка сверху сливалась в глухой гул.

Мишель остановил его у стены и наконец позволил себе прижать клинок плотнее. Серебро коснулось кожи. Боль вспыхнула. Лоран не вздрогнул, только пальцы его чуть сильнее сомкнулись на трости.

Теперь он мог видеть Мишеля боковым зрением. Тот почти не изменился, лишь стал тяжелее, резче, грубее в линиях. Рыжие волосы были стянуты в плотный пучок; короткая борода делала лицо старше и жёстче. Серые глаза смотрели с презрением. Ярость у Мишеля давно отстоялась, как крепкий осадок на дне бутылки, и превратилась в нечто куда менее шумное.

— Повернись, — сказал он.

— Мне думается, мы ещё не настолько близки, — мужчина шутку не оценил и больно ткнул пистолетом в рёбра.

Лоран медленно выполнил приказ.

Вблизи Мишель оказался ещё крупнее, чем помнился: широкие плечи, руки человека, привыкшего работать не только головой, но и телом, тёплый оттенок кожи, резко контрастирующий с белизной самого Лорана. В старости, мелькнуло у того с неожиданной праздностью, этот человек мог бы стать по-своему красивым. Если, конечно, доживёт.

— Вы плохо выглядите, — сказал Лоран. — Отлучение пошло вам не на пользу.

— А тебе — бегство.

— Я, по крайней мере, научился выбирать гостиницы получше.

Мишель чуть прищурился.

— Всё тот же.

— Боюсь, да.

Пистолет он не опускал. Серебряный клинок тоже. Однако что-то в его взгляде изменилось. Это Лоран уловил сразу, слишком хорошо зная людей, чей гнев питается прошлым. Мишель пришёл не для того лишь, чтобы убить. Если бы хотел убить, сделал бы это в зале, скандал его не остановил бы. Значит, ему нужно было что-то ещё. Подтверждение. Признание. Или — о, это было бы особенно забавно — правда.

— Позвольте угадаю, — проговорил Лоран. — Вы не можете меня пристрелить.

— Ещё как могу.

— Но не хотите. Иначе не тащили бы сюда, как беспризорника за ухо.

— Думаешь, ты особенный?

— Нет. Думаю, это вы так считаете.

На скулах Мишеля обозначились желваки.

— Моего деда убил ты.

— Нет.

— Ты был в доме в ту ночь.

— Да.

— Мои родители видели тебя.

— Да.

— Тётка нашла их изувеченными, а деда — мёртвым.

— Да.

Лоран отвечал спокойно, без запинки. Они повторяли этот разговор раз в пару лет, и его ответы оставались неизменны. Это, по-видимому, бесило Мишеля больше, чем отрицание.

— И ты всё ещё смеешь говорить, что невиновен?

— Смею. Более того, настаиваю.

На лестнице повисла короткая тишина. Где-то наверху заплотировали особенно громкой арии.

— Почему? — спросил Мишель.

Слово вырвалось у него слишком быстро, и он сам будто разозлился на это. Но было поздно. Лоран поднял взгляд и посмотрел прямо на него поверх стёкол пенсне.

— Потому что я не убивал Арно.

Имя, произнесённое без положенной скорбной вежливости, прозвучало между ними почти неприлично. Мишель замер так, словно его ударили.

— Не смей называть его по имени, — тихо сказал он.

— Почему? — мягко уточнил Лоран. — Потому что вам неприятно слышать его от вампира?

Пистолет дёрнулся. Лоран увидел по глазам: Мишель действительно мог выстрелить. Не от бешенства — от той страшной, внезапной боли, которая появляется у человека, когда чужой голос касается не раны даже, а памяти о том, что рана когда-то была частью его самого.

И в этот момент из глубины коридора донёлся звук.

Хрип.

Чуткий вампирский слух резануло от забулькавшего в горле крика. Мишель, вероятно, находившийся под эликсиром, услышал его тоже.

Оба обернулись.

Внизу, за поворотом лестницы, в служебном проходе мелькнула чья-то тень. Затем — глухой удар о стену. Потом что-то металлическое со звоном покатило по полу.

Мишель выругался и первым бросился вниз. Лоран, не раздумывая, последовал за ним. На миг охотник словно забыл и про нож, и про необходимость держать беглеца под прицелом; выученный долг оказался сильнее личной ненависти. Это Лоран отметил почти машинально.

Служебный коридор был пуст, если не считать опрокинутого табурета и пятна крови, уже расплывшегося по плитке. Запах ударил в нос раньше, чем взгляд нашёл источник. Кровь. Керосин ламп. И ещё что-то резкое, дикое, почти звериное.

У распахнутой двери гримёрной лежал молодой скрипач — один из тех, что ещё четверть часа назад настраивали инструменты в оркестровой яме. Он был жив ровно настолько, чтобы вздрогнуть всем телом, когда Мишель опустился рядом. Горло его было разодрано неровно, будто бешенный пёс торопливо рвал мясо. На белом воротничке уже густела тёмная кровь. Руки скрипача слепо шарили по полу.

— Держись, — коротко сказал Мишель, прижимая ладонь к ране. Бессмысленно, но руки у людей такого склада никогда не могут оставаться безучастными.

Скрипач захрипел снова. Воздух бесполезно булькал в разорванной глотке.

Молчание продлилось один удар сердца.

Затем Лоран, стоявший у двери, тихо произнёс:

— Это не я.

Мишель поднял голову медленно, как зверь, которому наступили на хвост.

— Вот как?— Я был рядом с вами.— А я и не заметил.

Лоран не ответил на колкость. Он смотрел на тело, чуть склонив голову набок, и в его лице, ещё минуту назад расслабленном, проступило что-то сухое, собранное, почти неприятное.

— Посмотрите на края раны, — сказал он. — Разрыв неровный. Челюсти сильные, но постановка неправильная. И крови слишком много снаружи.

— Я не сомневался, что мразь вроде тебя разбирается в этом.

— Я лишь умею отличать вампиров от зверей.

— Так может, господин всезнайка, ещё скажешь, кто закусил нашим новым знакомым?

— Не имею ни малейшего понятия.

Мишель перевёл взгляд на шею мертвеца и скрипнул зубами. Лоран был прав — а это раздражало почти невыносимо. Рана и впрямь казалась не такой, какими он представлял себе следы обычного вампирского кормления.

Из глубины гримёрной послышался женский вскрик. Кто-то заметил кровь на зеркале.

— Проклятье, — процедил Мишель.

В коридоре началась паника. Через несколько мгновений сюда сбегутся люди, потом явится стража, а там, глядишь, и церковные ищейки, у которых на него самого уже был зуб не меньше волчьего. Положение внезапно сделалось одинаково скверным для них обоих.

Лоран сделал шаг назад.

— Если вы хотите меня арестовать, — тихо сказал он, — сейчас лучший момент.

— Не искушай.

— В этом моя суть. Но если вы желаете узнать, что это было на самом деле, вам придётся сначала перестать считать, будто любой труп автоматически мой.

— Я был бы счастлив увидеть твой труп здесь.

— К вашему несчастью, я более чем жив.

Мишель выпрямился.

— Ты предлагаешь мне поверить тебе?

— Нет, — отозвался Лоран. — Я предлагаю вам использовать меня с пользой.

Шум нарастал. По коридору уже спешили двое карабинеров, за ними — женщина из хора, уже готовая к обмороку.

— Я знаю одно, — сказал Мишель. — Если ты попытаешься сбежать, я тебя найду и убью.

— В этом я никогда не сомневался.

— И если выяснится, что это всё же твоя работа...

— Не знаю, как бы я оказался в двух местах одновременно, но что же... Тогда вы получите то, о чём мечтаете уже много лет, — перебил Лоран без насмешки. — Разве это не честно?

Карабинеры увидели тело и заорали почти одновременно. Женщина действительно упала в обморок, сперва выбрав место помягче.

Мишель коротко, зло взглянул на вампира. В этом взгляде ещё не было доверия и не могло быть; было только внезапное, яростное нежелание выпускать из рук нить, которая могла наконец привести его не к привычной цели, а к чему-то за ней.

— Не смей исчезать, — бросил он.

— Как пожелаете.

Это могло произойти слишком легко, если бы не серебряный след у Лорана на шее — узкая воспалённая полоска, проступившая над краем платка. Он чуть коснулся её пальцами, поморщился и, прежде чем местные лица закона окончательно перегородили проход, скользнул в боковую дверь, ведущую к запасной лестнице.

Мишель остался возле тела.

Он уже слышал, как снизу гомонят посетители, как кто-то кричит о чудовище, а наверху оркестр сбился и замолчал. Театр, ещё недавно полный благопристойной скуки, теперь пробрало дрожью.

Мишель смотрел на мёртвого скрипача и с неожиданной ясностью понимал: вечер, который он собирался закончить одной-единственной пулей, только что обернулся чем-то скверным.

Он успел неплохо узнать де Вира. А он лгал редко и расчетливо.

Рана на горле скрипача и впрямь не походила на вампирский след. Да и какому кровопийце понадобится так драть свою жертву?

В академии настоятель любил говорить: *если зло очевидно, значит, кто-то заранее позаботился поставить его на нужное место.*

Мишель сжал челюсти так, что прокусил язык.

— Чёрт бы тебя побрал, — сказал он не то Лорану, не то мертвецу, не то вечеру в целом.

К тому часу, когда последний зритель покинет театр, в городе появится новая сплетня: кто-то видел в коридорах Массимо беловолосого монстра с красными глазами. И в этом будет ровно столько же правды, сколько её обычно бывает в самых живучих слухах — достаточно, чтобы погубить, и недостаточно, чтобы убедить человека, умеющего думать.

Лоран де Вир прекрасно понимал, что к утру его имя опять станет удобным объяснением чужой смерти.

Глава 2

*И послал Господь на Землю первых
детей своих, дабы строили мир они
с любовью и благочестием. Да так
увязли аггелы в соблазнах
Диавольских, что возжелали себе
Землю Божию, да увязли в служении
Диавольском во имявечного
грехопадения.*

Книга Великого Завета, 14:2

Карабинеры появились быстро, но толку от этого было немного. Один сразу начал орать, разгоняя людей, будто крик мог вернуть мёртвого к жизни. Второй тряс за плечо хористку, обмякшую а полу и только сильнее запрокидывавшую голову при каждом толчке. Капельдинер стоял рядом, бледный, с растерянным лицом, и повторял одно и то же что за двадцать семь лет службы такого не случалось. Никто его не слушал. В коридоре становилось тесно, люди тянулись ближе.

— Назад! — рывкнул старший карабинер с пышными черными усами. — Все назад!

Мишель не вмешивался. Он стоял над телом и смотрел, как кровь расплзается по покрытому лаком дереву. На серых брюках выступило пятно влаги, словно скрипач вдруг оказался мертвецки пьян, а не убит.

Де Вир должен был быть убийцей. Должен и всё тут. Мысль держалась упрямо, как заноза, но он был прав. Мишель шёл за ним попятам от самой площади и наблюдал в театре. Они были рядом, Мишель не чувствовал на себе дурмана. Действие защитного эликсира ослабнет лишь через несколько часов. Но кто тогда?

Он опустил на корточки. Скрипач был молод, лет двадцати пяти, не больше. Узкие пальцы ещё не разжались, будто он всё ещё держал смычок. Лежал он неловко, нелепо извернув ноги. На запястье поблёскивал медный браслет дешёвая вещь, но такие носят годами. Мишель отвёл ворот, пропитанный кровью.

Рана была дурная. Не аккуратный укус, не чёткий след ножа рваная, разодранная, как будто в горло вцепились и дёрнули. Края расплзлись, кожа была разорвана неравномерно, кровь текла щедро. Так не работают ни люди, ни вампиры.

— Синьор! рывкнули над ухом. Не трогать!

Охотник поднялся и отступил. Усатый карабинер смотрел на него с раздражением.

— Кто вы?! — усатый пыхтел и краснел, тыча пухлым пальцем Мишелю в грудь. — Имя! Мишель не двинулся. Стоял спокойно, руки опущены, взгляд прямой.

— Мишель Ренар.

— Документы.

Мишель достал из внутреннего кармана потёртую книжку. Карабинер взял её, пролистал. Вписанные места работы, отметки, печати. Всё выглядело правдоподобно.

— Француз, — пробормотал он. — Что вы здесь делаете?

Мишель молча вынул второй документ в новенькой обложке. На светлой коже переливалась серебряная печать: крест Гугенотов с пчелой посередине. Увидев печать, мужчина заметно разволновался на красном лбу выступила испарина.

Он поднял глаза: — Орден?..

— Да.

Орден Дознателей не афишировал себя. Слухов об ищейках Церкви Баланса ходило много, и вряд ли хоть один из них был правдивым. Люди из Ордена появлялись там, где про-

исходило что-то неудобное: раскрытие нелегального Кровавого Салона, следы жертвоприношения или нарушение межвидового договора. Они были порядком.

— Вы здесь по тому самому делу? — спросил карабинер тише.

— Уже некоторое время, — Мишель кивнул, спрятал удостоверение в нагрудный карман.

— Это связано?

Мишель красноречиво покосился на тело.

— Мы не думали, что это вампир.

— Вы и сейчас так не думаете, — спокойно сказал Мишель.

Тот не ответил.

— Если это и вампир, он точно сбрендил, — мужчина устало вздохнул, дрожащей рукой промакивая блестящий от пота лоб пятнистым носовым платком. Затем снова покосился на мёртвого, и красное лицо стало приобретать зеленоватый оттенок.

— Вы задержите меня?

Карабинер помедлил. Оглянулся на помощника, разгоняющего любопытных и впечатлительных. Расстегнул туго стянувший толстую шею воротник.

— Нет. Но вы останетесь в городе и утром подойдёте в Комиссариат ¹ и дадите показания. Протоколы, сами понимаете. Вы единственный свидетель.

— Конечно.

1

участки гражданской полиции в Италии именовались Commissariato di Pubblica Sicurezza (Комиссариат общественной безопасности)

Карабинер кивнул и отвернулся, уже отдавая распоряжения, и дознаватель воспользовался возможностью поскорее покинуть театр. Спектакль был сорван, а самому Мишелю не было до него никакого дела. Единственная причина, из-за которой он оказался в этом рассаднике пафоса, давно скрылась с места преступления.

На улице было душно. Несмотря на приближающуюся ночь, камень стен дышал накопленным за день жаром, а узкие улочки не давали прохода сквозняку. По этим улицам спустя пару часов, когда всех посетителей наконец выпустят из театра, разползутся волнения и слухи. И вновь люди будут шептаться о безнаказанности вампиров, а кровавый народ начнёт очередное жалобное дело в Суде Баланса.

Вампиры, особенно обращенные, обожали собирать сотни кляуз и сплетен, заверять каждую почеркушку в Канцелярии, а затем их представители просиживали кожаные кресла в коридорах Суда.

Связываться с обращенными было делом дрянным и провальным. Особенно, если они владели мануфактурой или их меценатом выступала влиятельная семья. Мишелю приходилось во время учёбы разбираться в соседской тяжбе между молодым наглецом, загоревшимся доставшимися ему привилегиями, и его несчастной матушкой.

С тех пор он крепко усвоил две вещи. Первая: обращённый вампир способен выдрать человеку душу, а потом ещё месяц ходить по судам с видом смертельно оскорблённой добродетели. Вторая: если у тебя нет бумаги с печатью, ты никому не нужен, даже если у тебя в руках чужая оторванная голова.

Он шёл быстро, не замечая ни духоты, ни людей, попадавших навстречу. В голове, как заноза в заднице, засела рана на шее скрипача. Рваная и жадная. И всё же Лоран был прав: так вампиры не ели. Даже самые оголодавшие. Даже самые тупые. Вампир брал кровь. Эта дрянь рвала плоть. Глодала там, где вампир бы даже не коснулся.

Вспомнился Марсель. Сторож у склада, найденный на рассвете в луже собственной крови. Потом Турин — мальчишка-конюх, такой худой, что на нём и рвать-то было нечего.

Потом Лион, где женщину вытащили из канавы у красильни. Тогда Мишель тоже видел раны и тоже сказал себе, что де Вир просто стал неаккуратен. Очень хотелось в это верить. А теперь не хотелось ничего.

Лоран остановился там, где и должен был оказаться загнанный вампир его породы, — в небольшой ночной гостинице на улице позади аптечного ряда, где ставни всегда были закрыты, а занавески на окнах висели в два ряда. Днём туда заходили только за деньгами, бельём и донорской эссенцией. К вечеру же в дверях начинали мелькать существа с очень бледными лицами и замедленными движениями. Палермо умел делать вид, будто ничего не замечает, если за молчание платили исправно.

Гостиница называлась «У трёх лилий». Вывеска висела косо, буквы почти стёрлись. Здесь было совсем не место для чистокровного. У входа стояла кадка с засохшим лавром, внутри пахло воском, старой мебелью и спиртом. За стойкой сидел хозяин — маленький человечек с тёмными висками и цепкими внимательными глазами.

— Синьор де Вир у себя? — спросил Мишель.

Хозяин поднял голову. Скользнул взглядом по лицу, по кобуре, по сапогам, по шраму у виска.

— Не знаю такого синьора.

— Врёшь.

— Я честный человек!

— Честный человек не занимается нелегальным сбытом крови, — Мишель вынул из кармана удостоверение и медленно раскрыл его. — Так у себя он или нет?

Хозяин побледнел. То ли от печати Ордена, то ли просто от природного страха перед сильными.

— Второй этаж, последняя дверь направо, — пробормотал он. — Но я ничего не говорил.

— Разумеется.

Лестница была узкая, деревянная, натёртая до блеска. Подниматься по такой бесшумно могла разве что кошка. Вампиры, вопреки старым придумкам, скрипели досками ничуть не меньше. В конце концов, ни грация, ни от природы меньший вес не давали достаточной разницы для того, чтобы делать их действительно бесшумными.

Последняя дверь была единственной с плотно закрытой дверью. Здесь меньше всего пахло дешевой, разбавленной эссенцией, одеколоном и табаком. Мишель постучал костяшками пальцев, подождал, потом постучал ещё раз, уже сильнее.

— Открывай, — сказал он. — Иначе я выбью.

За дверью немного помолчали. Потом щёлкнул ключ.

Лоран стоял на пороге в белой рубашке и тёмных брюках. Шейный платок он успел снять. На бледной коже под челюстью проступала узкая красная полоса — там, где в театре прижимался серебряный клинок. Распущенные волосы были зачесаны назад, но несколько прядей всё равно выбились и липли к вискам.

— Вы очень шумно ходите, мсье Ренар, — сказал он. — Я уж было решил, что ко мне пожаловала вся сицилийская стража.

— В ближайшее время тебе не доставят такого удовольствия.

— А вы считаете себя осведомленным о моих удовольствиях? Проходите. Не люблю беседовать на пороге, здесь дурно пахнет.

Мишель вошёл, захлопнув дверь ногой. Комната оказалась маленькой. Для такого клоповника, впрочем, она была чистой и с вполне свежим ремонтом. Узкая кровать, два кресла, умывальный столик с тазом, ширма, дорожный сундук. На столе — пустой флакон из-под аптечной крови, блюдо с недоеденным апельсином и тонкий нож для писем. В углу, на стуле, лежал аккуратно сложенный кремовый жилет, расшитый синим.

— Осмотритесь, если вам станет легче, — голос вампира звучал спокойно. — Под кроватью я никого не прячу.

— Заткнись.

Лоран легко поднял ладони, словно сдавался. Потом прошёл к столику, взял чистое полотенце, снова прижал к шее. Вид у него был спокойный, но слишком уж тщательно он держал спину. Словно контролировал каждое своё движение. Впрочем, не мудрено. Даже самые сильные из чистокровных вампиров обладали абсурдной аллергией на серебро. Мишеля неизменно смешило, насколько уязвимыми оказывались эти невосприимчивые к большинству человеческих болезней долгожители, когда дело касалось серебра, рябины или осины.

— Что за тварь была в театре? — спросил Мишель.

— Если бы я знал, вам бы не пришлось так кричать.

— Не умничай! Я сказал, отвечай.

— Я ответил.

Мишель подошёл ближе. Настолько, что мог бы схватить его за горло, если бы захотел. Но де Вир даже не дёрнулся. Только чуть отклонил голову в сторону. Поднял на него глаза сквозь синие стёкла пенсне и даже не потрудился сделать вид, что боится.

— Ты был рядом, — Мишель выплёвывал одно слово за другим. — Ты видел рану. Ты чуял её. И теперь будешь мне рассказывать, что ничего не понял?

Лоран медленно сложил полотенце. На кремовой ткани осталось несколько почти прозрачных малиновых капель. Кровь вампиров была жиже человеческой и обладала менее насыщенным цветом.

— Я понял достаточно, чтобы не принимать это за работу вампира.

— А за что?

— За того, кто ненавидит нас ничуть не меньше, чем вы, мсье. Он может быть одержим нами или самой идеей нашего существования. Это вовсе не важно. Вы должны были слышать о случае в Индии.

— Трое ополоумевший рабов решили поиграть в вампиров и изодрали ребёнка. К чему это сейчас?

— Ох, Мишель, годы не идут вам на пользу. Право, какая жалость. Те мужчины считали, что жизнь вампиров избавит их от страданий. Как жаль, что для этого не достаточно пить кровь. Это же этот некто. Предположим, не человек. Но нам не нужно так сильно напрягать челюсти, чтобы добраться до крови.

— И при этом очень кстати оказывается возле тебя?

— Как и вы, — мягко заметил Лоран. — Но вас я пока ни в чём не обвиняю.

Мишель дёрнулся так резко, что задел коленом кресло, и оно со скрипом проехало по полу.

— Ты думаешь, это смешно?

— Нет. Я думаю, вы злитесь, а это не одно и то же.

Пауза вышла короткой и тяжёлой. За окном внизу гремела телега, кто-то пьяно затянул «Santa Lucia».

— Сколько ещё убийств было? — спросил Мишель уже тише.

Это было самым отвратительным. Не зная, как обстоят дела по всей Европе. Лишь крохи того, что он видел в городах, где бывал в поисках де Вира, да слухи, ходившие в церквях и по улочкам.

Лоран долго молчал. Потом отвернулся к окну, где в тёмном стекле слабо белело его отражение.

— Если это та же дрянь, что я видел прежде, — сказал он, — то достаточно. Ей всегда быстро становится мало.

— Где видел?

— Во Франции.

— Когда?

— Давно.

— Рядом с Арно?

Лоран обернулся не сразу. Уголок губ дрогнул.

— Не начинайте.

— Я как раз начинаю. Ты десять лет водишь меня за нос, а теперь вдруг заговорил о каких-то тварях. Очень вовремя.

— Я десять лет пытаюсь от вас уйти, мсье Ренар. Это не совсем одно и то же.

— Не называй меня так!

— А как прикажете? — Лоран слегка улыбнулся. — Дорогой враг? Мой неутомимый спутник? Верный мститель?

Мишель с силой ударил ладонью по столу. Апельсиновые корки подпрыгнули на блюде.

— Хватит. Либо ты говоришь по делу, либо я прострелю тебе колено и послушаю, как ты заговоришь после.

Лоран посмотрел на него и впервые за весь разговор перестал улыбаться.

— Хорошо. По делу так по делу. Кто-то убивает людей и вампиров. И явно осведомлён о моём местоположении лучше моей дражайшей сестрицы. Вам стоило бы выяснить, кто ещё путешествует тем же маршрутом. Люди не знают, но жертвы есть и среди обращенных и полукровок. И кто-то этот, вероятно, весьма знаком с нашей с вами историей, раз все церковные ищейки теперь не дают мне прохода. Стоит мне вернуться во Францию, и меня притащат на виселицу.

— Вампиров не вешают.

— Тогда на костёр. Какая, право, разница.

Он отошёл от стола, сел в кресло и сцепил пальцы на колене.

— Не вы один считаете меня виновным. Эти совпадения уже порядком потрепали мне нервы. Моя семья и без того не горит желанием видеть меня живым, а уж поддерживать и подавно. Я не могу позволить себе ещё три-четыре таких случая. После любого родственники решат, что дешевле будет отдать меня Церкви самим. Избавиться от такого заметного пятна на репутации.

Мишель скривился:

— Бедный несчастный аристократ.

— Не передёргивайте. Мне не нужно сочувствие. Мне нужна ваша помощь.

— Э, да ты сдурел, приятель! Сам нарываешься на нож!

Лоран по-птичьи наклонил голову набок.

— Судите сами. Вы снова погонитесь за мной, потеряете след настоящей твари и получите ещё пару трупов. А потом ещё. И в конце концов, возможно, поймёте, что искали не того. Вам ведь трудно будет с этим жить, мсье Ренар.

Дознаватель скривился. Глупое предложение. Совершенно неоправданное! В самом деле, заключать сделку с убийцей. Как бы не считал этот беловолосый упырь, Мишель не был так глуп, чтобы поверить ему! Вот только под рёбрами скреблось так, словно туда воткнули тупой нож и теперь монотонно раскачивали его.

Де Вир ждал, расслабленно откинувшись на спинку кресла. След на его шее оставался алым рубцом, в полумраке комнаты притягивающим внимание.

Из распахнутого окна тянуло дымом от топочной установки. Густой пар пробирался под занавески и клубился под подоконником.

— Сколько? — глухо спросил он.

— Три недели.

— Много.

— Мало. Но я не жаден.

— И почему я должен тебе верить?

Лоран спокойно развёл руками:

— У вас нет выбора. Что будет, если вы убьёте меня, а трупов не убавится? Вы станете следующим подозреваемым. Вы всегда следуете за мной. Нет никого более очевидного на роль убийцы, чем мы с вами. Я также буду у вас на виду и, как и сегодня, вы сможете сами убедиться: моё присутствие вовсе не обязательно там, где происходят убийства.

Мишель нахмурился. На словах-то звучало соблазнительно. Но на деле...

— Где гарантии, что ты не отчалишь куда подальше как только я отвернусь?

— Заключим соглашение в Канцелярии Непреложных Соглашений, — вампир пожал плечами. — Я не смогу сбежать или убить вас, вы оставите меня в живых на эти три недели. Достаточно?

— Я не склонен доверять тебе вообще.

— И это чувство, заметьте, вполне взаимно.

Мишель отвернулся, прошёлся по комнате. Врезался плечом в резную ширму. Та качнулась и тихо затрещала. Он прекрасно знал, как работают подобные сделки. На учёбе дознавателям показывали клейма, оставшиеся на руках тех, кто пытался обмануть канцелярию: волдыри, чёрные полосы, лихорадка, рвота кровью.

Церковь не любила вампирские учреждения, но некоторые из них были слишком удобны, чтобы их запрещать. Нет смысла заново изобретать паровой двигатель, если вы веками пользуетесь проверенным и рабочим. Ни один человек, даже самый искусный охотник или дознаватель, выпивший сильнейшие эликсиры, не получит того обоняния и интуиции, какими обладают даже обращенные.

— Если ты попытаешься вывернуться... — начал он.

— Тогда вы получите полное право убить меня, — отозвался Лоран. — Причём законно. Разве не этого вы так жалете?

— Меня от тебя тошнит.

— Это чувство, вы не поверите, также взаимно.

Тишина затянулась. Потом Мишель вынул часы, щёлкнул крышкой. Стрелки показывали скромные два пятнадцать.

— Собирайся, — сказал он.

— Сейчас?

— Нет, через неделю. Сейчас, конечно! — Мишель икнул от возмущения. — Пока ты не передумал.

Лоран устало прикрыл глаза:

— У вас напрочь отсутствует чувство такта.

— Зато хорошо умею стрелять.

— Это я уже оценил.

Глава 3

В начале была Тьма, и Тьма была с Ночью, и Тьма была суть вампир. Он был в начале с Ночью. Все чрез Него быть начало, и без Него ничто не стало быть. В Нем была жизнь вечная, и жизнь сия была не от света, а от Тьмы и крови во Тьме. И Тьма светит в тени, и тень не объяла ее.

Книга Великого Завета, 1:1-5

Канцелярия, как и большинство вампирских мест, работала с позднего вечера до раннего утра. Днём окна были закрыты на тяжелые железные ставни, а двери запирались на два замка и один церковный амулет — для приличия. С наступлением темноты ставни распахивались, лампы зажигались, и в узкое здание из тёмного камня начинали стекаться должники, наследники, содержатели салонов, поверенные древних семей, иногда даже супруги, не доверяющие друг другу настолько, что заверяли в канцелярии супружескую верность с пунктом о взыскании за измену.

Здание стояло на углу узкой улицы и издали походило на богатый городской архив. Высокие окна, тёмный камень, бронзовая ручка на двери, отшлифованная сотнями рук. Ни гербов, ни вывески. Только круглая медная табличка на стене, такая неприметная, что случайный прохожий едва ли обратил бы на неё внимание.

Внутри было тихо и сухо. Пол блестел, лампы горели ровно, будто и здесь воздух подчинялся особым правилам. За длинными столами сидели клерки — люди и обращённые, одинаково бесцветные от бессонных ночей, одинаково аккуратные в движениях. Они переписывали договоры, ставили печати, сушили листы песком, переворачивали страницы большими пальцами, уже почерневшими от чернил.

Мишель терпеть не мог такие места. Клерские конторки навевали на него нечто сродни ужасу и отвращению. Правила, соглашения, сотни страниц, написанных от руки. Власть здесь имели вампиры. Наглые, ужасающие твари, похожие и непохожие на людей одновременно. Дотошные, острыми зубами цепляющиеся в каждое твоё слово, чтобы потом отобрать кусок пожирнее.

Заверить, утвердить здесь могли любую мерзость, даже самую поганую содомию — достаточно было лишь добровольного согласия с обеих сторон.

Их провели к дальнему столу, за которым сидел нотариус — сухой, прямой человек в тёмном жилете. Вампиризм в нём выдавали лишь глаза, которым не приходилось щуриться в полумраке кабинета. Хороший обращенный, давно приспособившийся к своей новой сути. Сколько ему было? Вероятно, больше ста. Волосы, по крайней мере, были сплошь седые.

— Господа желают заключить срочное соглашение? — спросил он.

— Да, — сказал Лоран.

— Вынужденное, — сказал Мишель.

— Лучшие из них всегда таковы, — заметил нотариус и вынул чистый бланк.

Он макнул перо в чернила и стал задавать вопросы, похмыкивая себе под нос. Имена. Срок. Предмет обязательства. Мишель отвечал резко, отрывисто. Лоран — спокойно и даже слишком любезно. Несколько раз нотариус просил повторить формулировку, и тогда между ними вспыхивала новая короткая перебранка.

— Он не сбежит, — сказал Мишель.

— До истечения срока не покину Палермо без вашего ведома и не уклонюсь от расследования, — тут же поправил Лоран. — Я всё же не сундук, чтобы меня просто не выносили из комнаты.

— Пишите: не сбежит, — упрямо бросил Мишель.

Нотариус кашлянул в кулак.

— Господин де Вир прав. Канцелярия предпочитает ясность формулировок.

Мишель зло зыркнул на обоих.

— Хорошо. Пишите его ясность.

— И вы не попытаетесь меня убить, — мягко добавил Лоран.

— С огромным сожалением, — вздохнул дознаватель, нежно погладил выглядывавший из кобуры пистолет.

— До истечения срока и при отсутствии нарушения соглашения, — бесстрастно уточнил нотариус.

— Именно так.

Перо скрипело по бумаге. За соседним столом шуршали листы переписываемой книги. Где-то с другого края кабинета донесся задушенный чих. Не хватало лишь часов, монотонно отбивающих каждую минуту.

Нотариус дочитал написанное вслух. За нарушение — физическое взыскание. Боль, слабость, кровотечение, лихорадка. Точный объём наказания определялся степенью нарушения и силой намерения.

— Подходит? — спросил он.

— Более чем, — сказал Мишель.

— Да, — ответил Лоран.

Нотариус развернул лист к ним и положил на стол тонкую серебряную иглу.

— Подпись кровью и рукопожатие, господа.

Мишель первым прижал иголку к подушечке большого пальца. Одно в Канцелярии было хорошо: здесь давно уже никого не волновал запах крови. Лоран сделал то же самое, едва заметно поморщившись от покалывания серебра.

Их подписи легли под текстом одна за другой: резкая, тяжёлая рука Мишеля и ровная, почти изящная подпись де Вира.

— Теперь руки, — несмотря на явно почтенный возраст, со стула нотариус вскочил бойко. В этом, несомненно, заключался один из тех немногих плюсов, которые люди могли получить через передачу вампиризма.

Они протянули ладони одновременно. На миг пальцы сцепились.

Ощущения были такие, будто под кожу вогнали раскалённую проволоку и медленно потянули ее вдоль запястья. Мишель стиснул зубы, глуша зародившийся в горле позорный вскрик. Покосился на де Вира, но у того выражение лица было безупречно постным.

Раствор, которым закапали их раны, шипящими каплями растекался по ладоням. Состав его Мишель помнил смутно. Знал лишь, что вампиры использовали для контрактов ртуть.

На внутренней стороне их запястий проступили тонкие тёмные линии. Такие полосы называли цепями. Если не присматриваться, легко принять за обычную вену.

— Готово, — нотариус откинулся на спинку стула. — Соглашение вступило в силу. Канцелярия засвидетельствовала.

Мишель разжал руку и вытер ладонь о брюки. Пальцы мелко дрожали от боли и злости.

— Я тебя всё равно найду, — сказал он хрипло.

Лоран поднёс запястье к глазам, рассматривая метку, потом поднял взгляд.

— Вы уже нашли.

Нотариус кашлянул ещё раз, очень деликатно намекая, мол, пора бы и честь знать, господа хорошие. Им выдали заверенную копию соглашения. Мишель сунул свою в карман, не глядя.

Когда они вышли из канцелярии, ночь уже заметно посветлела. Небо над крышами было ещё тёмным, но в нём появилась та тонкая серость, предзнаменовавшая скорый рассвет. Воздух заметно посвежел. Где-то на соседней улице вскукарекнул петух-полуночник.

Лоран на секунду поднял голову к небу и тут же опустил.

— Как трогательно, — сказал он. — Мы даже успели до рассвета.

— Не радуйся, — буркнул Мишель. — Это всего-лишь договор.

— Вы слишком сердиты для того, кому больше не придётся за мной бегать.

— Ещё слово — и я проверю, насколько далеко распространяется действие этого соглашения.

— Вот теперь вы звучите почти нежно.

Мишель выругался. Лоран тихо усмехнулся, но в следующую секунду лицо его снова стало спокойным и холодным.

— Куда теперь? — спросил он.

— Спать, если умеешь. Утром мне в комиссариат.

— Какой образцовый гражданин.

— А вечером ты расскажешь всё, что знаешь про прежние случаи. И если опять начнёшь влиять

— Позвольте, мсье, у меня нет хвоста.

Мишель посмотрел на него так, что будь взгляд ножом, Лоран остался бы без головы. Но тот лишь поправил манжету и едва заметно склонил голову, будто прощался после вполне приятного визита.

— До вечера, мсье Ренар.

— Провались.

— Уже пытался. Не понравилось.

Вампир поправил цилиндр, украшенный белыми лилиями. Один из цветков качнулся у самого лица Мишеля. Ещё пару мгновений, и силуэт Лорана уже едва различался среди домов далеко впереди.

Мишель ещё с полминуты стоял посреди улицы, глядя туда, где только что растворился белый затылок де Вира. Запястье пекло так, будто под кожу загнали не ртуть с колдовской дрянью, а раскалённый шомпол и забыли вынуть. Хотелось выругаться, закурить, кого-нибудь ударить и лечь мордой в подушку хотя бы часа на три. Вместо этого он сунул руку под мышку, чтобы хоть как-то унять боль, и зло зашагал вниз по улице.

Палермо уже начинал просыпаться. С одного конца тянуло свежим хлебом, с другого — рыбой и тухлой водой. Из подвальных пекарен выносили на улицу лотки, где-то хлопала ставня, кто-то лениво ругался с ослом, не желавшим везти молоко. Город, как и всякий другой, был совершенно равнодушен к тому, что ночью в театре вспороли человеку горло. Утром нужно было печь хлеб, чистить обувь, тащить на рынок зелень, стирать бельё. Мертвые мертвы, живые заняты.

Мишель свернул в тесный переулок, снял шляпу и провёл ладонью по влажным от пота волосам. В голове по кругу крутилась одна и та же дрянь: рана на шее скрипача, голос де Вира, следы на полу, чужой запах. Он видел подобное и раньше, но никогда не оказывался свидетелем.

В Марселе нашли сторожа при винном складе — шея разодрана, на рубахе солома, в зубах выбитая щепка, а на стене такой кровавый потек, будто человека резали на крюке. В Турине конюх, мальчишка лет шестнадцати, был вывернут наизнанку, как курица перед похлёбкой. Под Лионом женщина из прачечной лежала в канаве с таким же горлом, а её сестра клялась, что слышала в темноте не шаги, а сопение, как у загнанной псины. Тогда он списал все на де Вира. Очень удобно было списать. Чертовски удобно.

Он ночевал в меблированных комнатах над лавкой шорника. Хозяйка, вдова с рыхлым лицом и тяжёлой грудью, сперва принимала его за мелкого чиновника, потом за беглого мужа, потом решила, что раз он француз, с ним и так всё понятно. Комнатушка досталась узкая, с кроватью, кувшином воды, умывальником в углу и окном во двор-колодец, где даже днём дер-

жалась полутьма. Мишелю она нравилась тем, что сюда влезала только кровать и один человек с дурным характером. Для размышлений — самое то.

Он запер дверь, скинул плащ на спинку стула и наконец сел. Метка на запястье была непреставая. Цепь, если не присматриваться, и впрямь можно было принять за тонкую вену. Только вот вены не жгли от одной мысли о том, чтобы нарушить слово. Мишель осторожно потрогал потемневший след, тихо зашипел и выругался. Потом вытащил из дорожной сумки свёрток бумаг, перевязанный шнурком, и высыпал его на стол.

Там было всё его богатство. Выписки из протоколов, сделанные чужими и своими руками. Обрывки газет. Записанные наспех адреса. Имена свидетелей. Места. Даты. Клочок тёмной шерсти в сложенной пополам бумажке. Старый жетон от церковного приюта в Марселе, который он когда-то стащил у пьяного сторожа, решив, что ещё пригодится. Тогда не пригодился. Сейчас вдруг лег на стол так ладно, будто был на своём месте все эти годы.

Мишель долго сидел над бумагами, не моргая. Потом разложил их по кучкам. Марсель. Турин. Лион. Теперь Палермо. Во всех случаях жертва была не богатой. Сторож. Конюх. Прачка. Скрипач, подрабатывающий ночами. Люди, на исчезновение которых сначала морщатся, а потом привыкают. Громкие убийства никому не нужных людей. Все будут помнить и обсуждать случай, а не жертву.

Что было странно, так это то, насколько неохотно Дознаватели посвящали в эти дела. Не профинь Церкви. Просто жестокие люди, с которыми разберется полиция и жандармы. Слухи и так идут, зачем подпитывать их ещё больше? Единственное объяснение, которое видел для себя Мишель: влиятельная семья де Вир просто покрывала своего безумного младшего сыночка. Теперь же теперь Мишелю приходилось допускать, что он мог чего-то не заметить.

Он провозился с бумагами, по ощущениям, совсем немного. Часы он не заводил, но по крикам со двора и по тому, как посвежел воздух, понял, что спать уже поздно. Надо было идти в комиссариат. Он умылся холодной водой, натянул чистую рубаху, сунул бумаги обратно в сумку, пристегнул кобуру и, подумав, добавил туда же удостоверение Ордена. Рабочую книжку — отдельно, во внутренний карман. На всякий случай. Жизнь давно приучила его к тому, что всякий случай наступает неизменно и без предупреждения.

В комиссариате пахло потом, бумагой, застарелым табаком и полировкой для мебели. Усатый карабинер из театра сидел за столом, расстегнув ворот мундира и с мрачным видом жевал анисовую пастилку. Увидев Мишеля, он заметно оживился.

— А, синьор дознаватель, — итальянец засуетился, зачастил. — Я уж думал, вы решили исчезнуть вместе со своим подозреваемым.

— Если бы я решил исчезнуть, — сухо отозвался Мишель, — вы бы узнали об этом последним.

Карабинер покраснел, расхмыкался. Вытащил чистый бланк, окунул перо в чернила.

— Садитесь. Начнём сначала. Имя, происхождение, цель пребывания в Палермо.

— Мишель Ренар. Франция. Расследование.

— Это я уже слышал, — буркнул тот. — Мне бы что-нибудь поновее. Например, почему вы оказались в служебном коридоре театра в ту самую минуту, когда там резали человека?

— Услышал шум и пошёл.

— Прямо так и пошли? — карабинер поднял густые брови. — А что же насчёт господина де Вира, вместе с которым вы были?

Мишель пожал плечами.

— Для этого вам нужно обратиться к кровным коллегам. Это дело Церкви.

— Это наше дело, пока вы не запросите перевод, — эта беседа начинала надоедать. Объяснять ничего Ренар не хотел, слишком высоки были риски. И если вчера он ещё мог бы вывернуться так, чтобы итальянская полиция потребовала от Церкви проверки Лорана, сегодня он бы нарушил соглашение.

— Надеюсь, вы ознакомились с личным делом де Вира, — он знал, на что давить. — И понимаете, что им занимается ночной отдел.

Усы зашевелились. Кажется, Мишель попал в точку: карабинер выяснил личность посетителя у капельдинера, но не удосужился выяснить, человек он или вампир.

— Уже полгорода успело описать его во всех подробностях. Его и вас. Вы ушли в самом начале, а потом Вы оказались рядом с трупом. И мне, выходит, полагается поверить, что вы не в сговоре?

— Вам полагается верить только своим глазам, — отрезал Мишель. — А ваши глаза видели меня рядом с телом и видели рану. Если бы я хотел её спрятать, вы бы её не увидели.

Карабинер поджал губы. Несколько секунд что-то сосредоточенно выводил в протоколе, так вдавливая перо в бумагу, будто хотел проколоть столешницу.

— Ладно, — буркнул он. — Расскажите, что ещё заметили.

Мишель рассказал. Приходилось изворачиваться, подбирать факты так, чтобы не вызвать лишних расспросов. Бессмысленно описал характер раны, хоть карабинер и знал всё не хуже него. Сказал о том, что подозреваемый успел скрыться, о панике, о служебном коридоре. Не сказал, что стоял с этим самым подозреваемым нос к носу за несколько секунд до убийства. Не сказал, что заключил с ним ночью договор. Не сказал, что теперь связан с де Виром не хуже каторжника с цепью. Некоторые истины хорошо хранить при себе хотя бы до вечера.

Когда с основным протоколом покончили, в комнату заглянул молодой карабинер из театра. Вид у него был довольный, как у мальчишки, нашедшего под подушкой лишнюю монету.

— Синьор, — сказал он, — мы поговорили с театральными. Там один рабочий кое-что вспомнил.

Усатый сразу встрепенулся.

— Что именно?

— Перед самым началом первого акта в служебный проход протащили длинный ящик. На тележке. Все решили, что декорации или реквизит для второго действия. Но ящик в списках не значится.

Мишель медленно поднял голову.

— Кто привёз?

— Какой-то грузчик. Серый фартук, кепка. Лица не запомнили. Говорят, сутулый. Хромал на левую ногу.

— А ящик куда делся?

— Вот этого никто не знает, — карабинер развёл руками. — После суматохи его уже не видели.

Сержант ругнулся сквозь зубы и потянулся за ещё одним листом.

— Прекрасно. Просто прекрасно. Театр набит идиотами.

— Не только театр, — сказал Мишель.

Старший зло покосился на него, но промолчал.

На этом новости не закончились. Из кармана убитого скрипача, как выяснилось, вынули пропуск — плотную картонку с печатью Церкви больницы святой Розалии. По этому пропуску он имел право дважды в неделю играть там по вечерам в палате для выздоравливающих. «Музыка облагораживает нрав и облегчает скорбь», как значилось на обороте. Мишель взял картонку в руки и долго смотрел на печать, чувствуя, как где-то под рёбрами начинает медленно шевелиться гадкое, липкое подозрение.

— Больница? — спросил он.

— Да, — пожал плечами сержант. — У церковников всегда свои причуды. Сегодня играешь им арии, завтра отпеваешь кого-нибудь бесплатно.

Мишель вернул пропуск на стол. Хлопнул ладонью по дереву так, что молодой карабинер подпрыгнул.

— Мне нужен врач, который осматривал тело.

— Зачем? — насторожился сержант.

— Затем, что если я трачу на вас своё утро, мне бы не хотелось тратить его впустую.

Врач оказался похож на сонную цаплю: длинный, сухой, в пенсне, с серыми уставшими глазами и руками, пахнувшими карболкой. Он провёл Мишеля в заднюю комнату, где на столе под простыней лежал скрипач. Здесь было прохладно, чем в коридоре, но пахло куда хуже. Не смертью даже — известно, куском, мокрой древесиной и железом.

Врач откинул ткань и без лишних слов ткнул пальцем в шею мертвеца.

— Видите? — спросил он.

— Вижу.

— Это не нож.

— Я тоже не слепой.

— На укус не похоже. Неправильная постановка челюсти, равномерное давление с двух сторон. Хоть размер раны и соответствует распахнутому рту человека или вампира. И нет, не смотрите на меня так! Я не могу сказать вам, что это дело зубов вампира. Смотрите, такие разрывы не могли сделать два клыка. К тому же, плотный ряд. Если вампир попробует сделать такое, он останется без клыков.

Дрянное замечание. Мишель наклонился ниже. На воротах рубахи, у самого шва, прилипло что-то серое. Он подцепил ногтем. Известковая крошка. А на рукаве — тонкий жёсткий волос. Короткий и тёмный.

— Это уже было? — спросил он.

Врач пожал плечами.

— На теле — нет. На одежде — не смотрел. Мне за это не платят.

Мишель забрал волос и крошку, завернул в бумажку и сунул во внутренний карман. После чего ещё раз взглянул на мертвеца. Скрипач лежал тихо и глупо, как лежат все убитые, когда вокруг них уже отворились живые.

Глава 4

*Разбитой вазой я упал на пол
Как в старой сказке, я не знал,
кто волк
Я ничего не могу с собою сделать
Я ничего не могу с собою сделать
Электрофорез - Я ничего не могу с собою сделать*

К рассвету Палермо затих. Ночная духота ещё держалась между домами, но улицы уже пустели. Фонари тускнели один за другим. Лоран шёл быстро, держась ближе к стенам, где было темнее. Шляпу он надвинул почти на глаза, ворот поднял, но всё равно чувствовал, как светящееся небо начинает жечь лицо.

Гостиница «У трёх лилий» стояла за аптечной лавкой и винным складом. Вывеска висела криво. Краска на ставнях местами облупилась, в дверях пахло воском, пылью и лекарствами. За стойкой сидел ночной хозяин — тощий человек с тёмными веками и внимательными глазами. Он поднял голову, увидел Лорана и сразу заметил всё, что нужно было заметить: красную полосу на шее, усталое лицо, кровь на манжете.

— Долгая ночь, синьор де Вир? — спросил он тихо.

— Слишком, — ответил Лоран. — И я не расположен её пересказывать.

Хозяин кивнул. Взгляд его скользнул к руке, которую Лоран держал чуть осторожнее обычного.

— Прислать вам эссенцию наверх?

От одной мысли о дешёвой аптечной крови Лорану стало тошно. Во рту всё ещё стоял привкус ртути и железа. Но тело было вымотано, а день только начинался.

— Позже, — сказал он. — И пусть меня не тревожат до вечера.

— Как пожелаете.

Лестница была узкая, деревянная. Ступени скрипели под ногами. Днём здесь пахло хуже, чем ночью: сыростью, старым бельём и несвежей пудрой. За дверями уже укладывались спать постояльцы. Где-то кашлянули. Где-то скрипнула кровать. На верхней площадке стояла чужая дорожная сумка, из которой торчала вуалетка. Лоран переступил через неё и вошёл к себе.

В комнате было душно. На стуле висел снятый накануне сюртук, на столе стоял пустой стакан, в тазу мутнела старая вода. Всё оставалось на своих местах. Только сам Лоран за эту ночь стал заметно хуже.

Он запер дверь, снял шляпу и несколько секунд просто стоял посреди комнаты. Потом расстегнул ворот, стянул рубашку через голову и подошёл к умывальнику. В тусклом зеркале плыло и искажалось уставшее бледное лицо, тёмные круги под глазами, выбившиеся из ленты волосы, красная полоса на шее и тонкая цепь на запястье.

Ожог от серебра выглядел скверно, но терпимо. Цепь раздражала сильнее. Она была почти незаметной, темнее обычной вены, но ныла при каждом случайном прикосновении. Лоран коснулся её пальцем и тут же поморщился. Боль пошла глубже, под кожу, будто метка только этого и ждала.

— Прелестно, — пробормотал он, стараясь не смотреть лишний раз в зеркало.

Налил свежей воды из принесенного мальчишкой-прислужником кувшина, намочил полотенце и приложил сперва к шее, потом к запястью. Помогало слабо. Серебро и канцелярская дрянь плохо признавали простые человеческие способы. Пришлось сесть на край кровати и переждать, пока боль хоть немного отпустит.

Навалилась усталость. Тело требовало сна, крови и тишины. Голова не давала ни одного из трёх. Стоило закрыть глаза, как перед ним снова вставал служебный коридор театра, шея скрипача, кровь на зеркале, серые глаза Мишеля и тот хрип в темноте, который он уже не мог толком вспомнить, но всё ещё не мог забыть.

Лоран лёг, не закончив приготовления ко сну. Только стянул сапоги и отбросил их в сторону. За окном быстро светлело. Пришлось подняться, задёрнуть штору плотнее и ещё сверху накинуть покрывало. Комната сразу потемнела. В ней остались только запах воды, дерева и его собственной кожи, пропитанной кровью, серебром и сладковатым душком местных улочек.

Сон не шёл.

Лоран лежал на спине, глядя в темноту, и перебирал в голове всё, что знал. Результат получался скверный. Он провёл почти десять лет, мотаясь по городам и странам, прячась от своего преследователя, а не пытаясь выяснить что-то о чужих смертях. Если бы в театре просто попытались убить его — всё было бы яснее. Если бы Мишель наконец выстрелил — тоже. Если бы скрипач стал жертвой нелепой случайности и лишился жизни, свернув себе шею на лестнице, Лоран не чувствовал бы причастности. Но скрипач умер так, как умирали там, где Лоран оказывался слишком близко.

Стоило ему осесть в новом городе, снять комнату, наметить безопасные улицы, найти салон, аптеку, привычный путь от двери до двери — и где-то рядом всплывал труп. Сначала он пытался считать это совпадением. Потом дурным совпадением. Потом перестал обманывать себя.

Он повернулся на бок, натянул одеяло до плеч и закрыл глаза. Почти сразу в памяти всплыл Арно. Не лицо даже — привычка шутить даже на самых острых темах, и чуть заметная складка у губ, когда он собирался спорить. Следом — Мишель. Тот же поворот головы, та же линия скул, только жёстче, злее, моложе. Образ молодого Арно таял из памяти, вытесненный его поздней, совсем уже взрослой версией. Переплетался с тем, каким был его внук. Внешне, разумеется, у характеров была лишь одна общая черта — слепое упрямство.

Лоран резко открыл глаза.

Глупо было произносить имя Арно вслух. Ещё глупее — надеяться, что его внук когда-нибудь услышит в этом не издёвку.

За стеной кто-то перевернулся и глухо выругался во сне. Внизу хлопнула дверь. Гостиница затихала окончательно. День начинал вступать в свои права.

Ещё один труп — и Церковь точно обратит внимание на него. Карabinieri, семьи погибших, случайные люди — им всем нужен будет убийца. Церковь свершит правосудие во имя мира и баланса, наплевав на доказательства: если в ряде смертей подозревают вампира, она не сможет безнаказанно отдать на растерзание человека. Если только среди жертв не найдется парочки чистокровных.

Оставалась надежда, что семья всё же не даст сделать его козлом отпущения. Лоран и так был их пятном позора на белоснежной скатерти репутации, чтобы ещё сильнее рисковать статусом.

Лоран сел на кровати так резко, что метка на руке снова заныла.

Нет.

Ждать дальше было нельзя. Спать, отсиживаться, надеяться, что всё как-нибудь обойдётся, — этим он занимался слишком долго. Пора было самому сунуться туда, куда тянул след, и посмотреть, кто так старательно кладёт мертвецов ему под ноги.

Особенно теперь, когда Мишель будет у него под присмотром.

Он спустил ноги на пол и сидел так несколько секунд, опираясь локтями о колени. В комнате было тихо. За шторой шевелился дневной ветер. Во рту пересохло. Запястье жгло.

Лоран встал, подошёл к умывальнику и снова плеснул себе в лицо холодной водой. Потом долго смотрел на своё отражение.

Выглядел он плохо. Не настолько, чтобы паниковать. Но достаточно, чтобы злиться.

— Ну что ж, — сказал он тихо. — Значит, поработаем.

Отошёл к дорожному сундуку, отпер его и начал перебирать лежавшие внутри вещи — запасной платок, перчатки, перевязанные лентой письма, маленький пистолет со свинцовыми пулями в латунных оболочках, записную книжку в тёмной коже.

Полистал, остановился на середине. Несколько страниц были исписаны именами, адресами, короткими пометками на разных языках. На полях, рядом с одним из адресов, стоял крестик, поставленный впопыхах. Лоран долго смотрел на него, потом вырвал маленький листок, сложил вчетверо и сунул в карман жилета.

Только после этого он вернулся к умывальнику, снова плеснул себе в лицо холодной водой.

Он ещё плотнее закрыл окно, проверил шторы, вернулся к кровати и лёг снова. Теперь уже не в надежде уснуть, а просто чтобы переждать день и выйти к вечеру с ясной головой. Сон пришёл поздно. Тяжёлый, рваный. И даже во сне ему казалось, что где-то рядом снова тащат по камню что-то длинное и тяжёлое.

Когда Лоран выбрался из объятий мутного, тяжелого сна, дневную белизну сменил тусклый серый свет, от которого не резало глаза. Голова оставалась тяжёлой, будто он и не спал вовсе. Шея саднила, запястье тянуло, но уже не так зло, как под утро.

Он полежал ещё немного, прислушиваясь к дому. Внизу двигали стулья. Хозяин откашливался у стойки. Где-то по коридору прошлёпал босыми ногами запоздалый постоялец. Гостиница просыпалась, как и всё ночное в этом городе, — медленно и неохотно.

Умывался он долго. Холодная вода чуть прояснила голову. Потом Лоран сменил рубашку, тщательно повязал на шею новый платок, застегнул жилет и выбрал перчатки помягче — те, что не натирали запястье поверх цепи. На улицу он вышел уже в сумерках, когда небо над крышами ещё оставалось светлым, но окна домов начинали загораться одно за другим.

Карман грела успевшая смяться бумага. Лоран перед выходом бегло глянул на ней адрес, а затем вновь сложил и спрятал поглубже. Погода ему благоволила. День простоял пасмурный, и к вечеру облака не разошлись. Чистокровному вроде него она дарила чуть больше свободы и позволяла передвигаться, не прячась под козырьками и навесами.

Палермо просыпался после сиесты, и к вечеру вновь ожил. Из лавок выносили корзины с мясом и фруктами, у рыбных рядов орали торговки, на углах мальчишки продавали газеты. Возле баров уже занимали столики, юркие парни и девушки разносили вина, кофе и закуски. От булочных тянуло горячим тестом.

Адрес привел Лорана в квартал недалеко от порта, откуда доносился запах соли и сладковатой рыбной гнили. Здесь фасады были пониже, вместо флажков квартала дома украшала облупившаяся рыжая штукатурка. На первом этаже узкого дома покосилась вывеска писчебумажной лавки. На витрине лежали счётные книги, сургуч, перья и почтовая бумага, поблёскивали чернильницы.

Тонко звякнул латунный колокольчик. За прилавком сидел мальчишка лет пятнадцати, взъерошенный, с чернильным пятном на пальцах. Он поднял голову и посмотрел на Лорана с обычной для лавочного ученика смесью скуки и неприязни.

— Лавка закрыта, — сказал он.

— Для покупателей, — уточнил Лоран. — Передай синьору Агрести, что к нему пришёл старый знакомый.

Лицо подростка сморщилось, он вбуравился в Лорана взглядом, но смелости огрызнуться в себе не нашёл. Молча обошёл прилавок, юркнул в заднюю дверь и почти сразу исчез. Лоран остался один. Он успел оглядеться. За прилавком висели полки с книгами учёта, под ними

стояли ящики с бумагой. Задняя дверь была обита железными полосами, а у косяка торчал новый тяжёлый засов — такой не ставят между лавкой и кладовкой.

Спустя несколько минут де Вир обернулся на тихое поскрипывание половиц. Синьор Агрести был невысоким, сухим, одетым в чёрный жилет, застёгнутый на все пуговицы. Волосы у него были зализаны назад, на висках уже белели. Лицо — бледное, почти бесцветное, губы тонкие. Он остановился в дверях, с интересом разглядывая позднего гостя.

— Синьор де Вир, — медленно произнёс он. — Я думал, вы уже покинули Палермо.

— Ваши надежды не сбылись.

— Жаль, — вздохнул Агрести. — Чем обязан?

Лоран не стал отвечать при мальчишке и кивнул на заднюю дверь. Агрести помедлил, потом отступил в сторону.

Комнатка за лавкой была тесная и душная. Вдоль стен стояли плотно забитые коробками шкафы. На столе горела лампа с зелёным абажуром.

— Надеюсь, вы пришли не с жалобой, — сказал Агрести, закрывая дверь. — Сегодня я уже выслушал двух вдов, ростовщика и даму, уверенную, что соседка прокляла её канарейку.

— Мне нечем вас порадовать, синьор. Я пришёл за именами.

Лоран снял перчатку, вынул из кармана золотую монету и положил на край стола. Агрести покосился на неё без всякого восторга.

— Вы переоцениваете силу денег.

Лоран добавил вторую.

— А теперь?

Агрести спрятал обе в ящик стола и открыл тетрадь.

— Говорите.

— Кто в последние недели перестал появляться? И что вы слышали о ночных перевозках с церковными печатями?

Агрести откинулся на спинку кресла и посмотрел на него с явным раздражением.

— Это уже не простой разговор.

— Я не говорил, что будет просто, — Лоран улыбнулся уголком губ, и в полумраке блеснул край клыка.

— Не пытайтесь напугать меня, господин де Вир. У меня такие же, — в ответ Лоран лишь со смешным покачал головой. — Мальчик мой, с вами ужасно трудно! Вы никогда не просите простого.

Он перелистнул несколько страниц, остановился, провёл ногтем по строкам.

— Двое, — сказал он. — Оба обращённые. Не из тех, кто представляет интерес. Первый — Ринальдо Гендель. Актуариус, в последнее время крутился при церковном хозяйстве. Второй — Карло Летти. Курьер. Возил бумаги, поручения, иногда людей в Красные Дома. Исчез позже.

— Когда?

— Гендель — недели три назад. Летти — дней десять или двенадцать. Точно не скажу. Агрести коротко усмехнулся.

— А кто станет? Оба жили одни, покровителей за ними не водилось. Удобные люди. Пока работают — нужны. Перестали появляться — про них быстро забыли.

Лоран молча смотрел на раскрытую тетрадь.

— Церковное хозяйство, — повторил он. — Где именно?

— Если бы я знал точно, я бы сидел не здесь, — сухо ответил Агрести. — Но имя святой Розалии всплывало. Склады, счета, кухня, доноры. Обычная церковная скука.

Лоран поднял глаза:

— До тех пор, пока не пропадают вампиры. А повозки?

На этот раз Агрести долго молчал, с преувеличенным интересом уставившись в тетрадь. Потом подошёл к двери, приоткрыл её. Убедился, что мальчишка в лавке занят делом, и только после этого вернулся за стол.

— Ночные церковные повозки видели несколько раз, — сказал он тише. — На служебных улицах. Закрытый верх, плотные занавески. Один раз — у бокового двора святой Розалии. Второй — у старой прачечной за хозяйственными складами. Везли длинные ящики. Что в них было, не имею понятия.

— Кто видел?

— Разные люди. Но вы вряд ли их разговорите.

— Они так дорого стоят?

Агрести фыркнул в редкие усы, внимательно посмотрел Лорану в глаза, и вдруг разве-
селся:

— Полагаю, настоящий некромант, если он существует, действительно берёт не мало!

Люди были мертвы. Лорану были нужны свидетели. Те, кто мог бы рассказать ему больше, уже никому ничего не скажут.

Лоран натянул перчатку.

— Мне нужен адрес Генделя.

Агрести нахмурился.

— С какой стати?

— С той, что вы уже взяли мои деньги.

— Деньги были за разговор, — лавочник вновь улыбнулся, теперь уже сам продемон-
стрировав крупные, обычные для обращенного клыкки.

— Не жадничайте.

Агрести вздохнул, вырвал из блокнота лист и размашисто выписал пером несколько
строк.

— Если вас там прирежут, я, конечно, огорчусь, — он подтолкнул бумажку через стол.
— Но ненадолго.

— Ваше участие трогает.

— Не обольщайтесь.

Они распрощались. Сложенный вчетверо лист лёг во внутренний карман жилета. Уже
когда вампир взялся за ручку двери, Агрести окликнул его:

— Синьор де Вир.

Лоран обернулся:

— Что?

Агрести потёр пальцем край тетради.

— Если полезете к святой Розалии, не идите туда в таком виде. Вас слишком легко запо-
нить.

Тонкие пальцы, обтянутые светлой перчаткой, тронули шейный платок цвета индиго.

— Я приму к сведению.

За спиной раздался тяжелый обреченный вздох.

На улице окончательно стемнело. Под стеклянными колпаками горели газовые рожки, а
над перекрёстком, от которого широкая дорога текла в сторону богатых кварталов, уже вспых-
нули две новые электрические лампы — резкий желтый свет дрожал на вытопанной до глад-
кости мостовой.

По рельсам на другой стороне улицы с дребезгом прошёл конный трамвай. Уставшие
лошади тянули его, низко опустив головы, а с открытой площадки лениво переругивались пас-
сажиры. Чуть дальше, у часовой мастерской, сопел маленький уличный паровой насос — через
медную трубку он качал воду в резервуар для пожарной колонки. Из трубы валил сизый дым,
пахло углём и горячим железом.

На смену дневных лавок и кафе пришли ночные торговые палатки и бары, постепенно наполнявшиеся людьми и вампирами вперемешку. Ночная жизнь сменила дневную. Лоран прошёл под блестящими масляными фонарями на навесе жестянщика. Остановился, заглядевшись на тихо посвистывающий на спиртовке чайник. Хмыкнул, отметив настоящие колокольчики на колпаке Арлекино, машущего рукой, пока вода в чайнике кипела. Когда чайник снимут, Арлекино сядет на крышку и выставит ножку в шутовском башмаке, служащую носиком для воды. Прелестная безделушка.

На соседней витрине среди заводных ключей и карманных хронометров лежал сломанный пневматический протез кисти, выставленный, вероятно, для привлечения клиентов. Мимо катились экипажи. Одни — обычные, конные, с облезлыми боками и грязными колёсами. Другие — новые, дорогие, с узкими кузовами, маленькими паровыми котлами под задним сиденьем и медными трубками по бокам. Такие машины ехали почти беззвучно, только шипели иногда паром на поворотах, как раздражённые кошки.

Свернув в сторону центра, Лоран заглянул в бумажку с адресом и вновь спрятал в карман. Он дважды сворачивал, один раз остановился у витрины с часами, где в глубине тикал целый строй маятников, ещё раз — у газетчика, купил вчерашний выпуск и тут же оставил его на подоконнике рядом с афишами кукольного театра и рекламой нового зубного эликсира. Если за ним следили, пусть запоминают лишнее.

Святая Розалия жила свою обыкновенную жизнь. С парадной стороны туда ещё везли больных — крытые фиакры один за другим подкатывали к ступеням, на камне белели накидки сиделок. Святая Розалия принадлежала Церкви Баланса и принимала людей и вампиров, сирот кормили, приюты держали в чистоте, а донорские пункты работали четче, чем часы на Кватро Канти.

Чем дальше от парадного фасада, тем меньше оставалось белого камня и ровных ступеней. За больничным корпусом начинались хозяйственные дворы и склады с угольными ящиками и прачечной. Между двумя каменными стенами тянулся узкий проезд. По одной стороне шли толстые медные трубы, от которых время от времени срывались горячие капли. Камень под ними всегда был мокрым. Из-под ворот прачечной тянуло щёлоком, паром и мокрой тканью.

Лоран задержался под аркой, дал глазам привыкнуть к яркому освещению города и вслушался. С парадной стороны святой Розалии ещё звякали колокольчики у фиакров, хлопали дверцы, шуршали юбки сиделок. Здесь звуки были другие. В прачечной плескали воду, кто-то ворчал над тележкой, в котельной глухо кашлянул пар. За этими шумами легко было пропустить лишнее, если не знать, чего именно ждёшь.

Он знал.

В проезде было три удобных места, откуда можно было смотреть во двор. Одно прямо у забора, но там его заметили бы из окон. Второе — у угольных ящиков, где пахло сажей и мышами, зато свет от фонаря бил бы в лицо. Третье Лоран выбрал сразу: между прачечной и кирпичным сараем, за сваленными в штабель пустыми корзинами. Оттуда было видно навес для повозок, боковую дверь склада и половину двора. Этого хватало.

Он присел, поставил трость поперёк колен и стал ждать.

Совсем скоро за стеной скрипнули колёса. Лошадь фыркнула, железо глухо звякнуло о дерево. Во двор задом въехала крытая повозка с плотными боковыми занавесками. Возница почти утонул в воротнике. Осадил лошадь у самого навеса.

Из боковой двери склада вышли двое. На одном от его мощи трещала по швам простая серая рубашка, второй, сутулый, надвинул кепку до кончика носа. Следом появился служка в чёрной куртке. На рукаве у него алела лента с церковной звездой. Он хмурился и выпячивал грудь, как большой начальник, но всё время оглядывался на дверь.

— Давай живей, — бросил он. — Пока наверху не кончили с бельём.

— Сам бери, если тебе так горит, — буркнул широкий.

— За моё рыло мне не платят, — подал голос сутулый. — А за твоё, видать, тоже.

Широкий сплюнул на камень.

— Зато тебе платят за язык. Хорошо стелишь, раз не выкинули собакам на радость.

Служка поморщился.

— Заткнулись оба. Берите.

Они откинули задний полог. Повозка качнулась, и Лоран подался чуть вперёд. Внутри темнел длинный ящик, стянутый ремнями и грубо обитый по краям железом. Дерево у него было свежее, светлое, только с одного бока пошло тёмными пятнами. Из-под крышки торчал край сложенного втрое холста с синей печатью прачечной.

Широкий ухватился за ручку и сразу выругался.

— Опять нам эта падаль.

— Тише ты, — огрызнулся служка и быстро глянул на окна. — Хочешь, чтоб тебя ещё и Отец Руджери услышал?

— Да пускай слышит, — буркнул тот. — Я ему с прошлого раза так и не простил.

— А прошлый раз у тебя рыло было целее, — сказал сутулый и ухмыльнулся.

Они потянули ящик к краю повозки. Тот скользнул и ударился о борт. Изнутри что-то глухо толкнуло крышку. Никто не двинулся.

Служка первый пришёл в себя.

— Ну? — взвизгнул, и голос у него сорвался. — Чего встали?

— Оно опять там ворочается, — тихо сказал сутулый.

— А тебе какое дело? Ты тащи. Ворочается оно или молится.

— Сам и тащи.

— Я сказал — взяли!

Они взяли. Ящик с натугой стянули на камень. Железная лента скрипнула. Один ремень натянулся так, будто внутри кто-то упёрся в крышку всем телом. Широкий ругнулся уже без прежней бравады. Теперь голос у него был тоньше.

— Быстрее, — прошипел служка. — В подвал и всё. Быстрее.

До двери склада было шагов шесть. Они прошли половину, когда ящик дёрнулся снова. Сутулый поскользнулся на мокром камне, выпустил ручку и повис на ремне. Широкий рванулся удержать свой край, ящик перекосило. Из-под крышки выдавило тёмную струйку, она потекла по свежему дереву и капнула на камень.

Это точно была не вода.

— Да ну его к чёрту, — забормотал широкий, отступая. — Я больше туда не полезу.

Служка побелел. Это было заметно даже в полумраке.

— Бери, — выдохнул он. — Бери, мать твою, не то всех положат.

Сутулый уже пятился.

— Я в прошлый раз видел. Хватит с меня.

— Если уйдёшь, тебя самого положат.

— Так и так положат.

Лоран слушал, застыв, как хищник, притаившийся в кустах. Густая кровь медленно стекала из щели между крышкой и ящиком. Запах дошёл и до него. Под укусом, щёлком и свежей известью стояла старая добрая вонь скотобойни.

Служка выругался, рванулся к складу и распахнул дверь.

— Эй! Сюда! Живее!

Изнутри выбежали ещё двое. Один нес фонарь, другой раскаленную кочергу. Увидев ящик, оба притормозили. На лице у того, что с кочергой, мелькнуло знакомое выражение. Такие лица Лоран видел у молоденьких доноров, которых впервые ввели в салон: человек ещё не знает, что его ждёт, но уже жалеет, что вообще пришёл.

— Чего стоите? — почти завизжал служка. — За крышку! К двери его!

Фонарь подняли выше. Свет мазнул по ящику, по ремням, по рукам рабочих. На одном железном углу темнели царапины. Слишком глубокие для случайного удара.

— Оно опять скреблось, — пробормотал тот, что с фонарем.

— У тебя в голове скребётся, — заорал служка. — Держи!

Они навалились все разом. Ящик поднялся, качнулся, снова ударился о камень. Лоран увидел, как крышка на миг приподнялась на волосок. Видно ничего не было, зато дыхнуло горящим на открытом огне свиным жиром.

Сутулый сорвался первым. Бросил ремень и кинулся через двор, не разбирая дороги. Сшиб плечом верёвку с бельём, запутался в простыне, выдрался и исчез между сараями. Широкий рывкнул ему вслед что-то грубое и тоже едва не отпустил ручку.

— Назад! — орал служка. — Назад, сволочь!

Но тот уже не слышал.

Ящик снова перекосило. Кочерга скользнула по железной скобе. Один из новых рабочих выронил фонарь. Тот ударился о камень, но, на счастье, не разбился. Только огонь внутри заметался, и свет пошёл рыжими кругами.

Внутри снова ударило. На этот раз с такой силой, что крышка стукнула снизу, а широкий отлетел в сторону, хватаясь за пальцы.

— Мне руку прищемило! — заорал он. — Ах ты ж

Лоран успел заметить, что прищемило не крышкой. На среднем пальце у рабочего темнела длинная, неровная ссадина, будто из щели кто-то полоснул ножом или когтем. Сам рабочий, похоже, это тоже понял. Он выругался и побледнел.

Служка попятился.

— Закрыть, — сипло сказал он. — Закрыть и вниз.

Никто не двигался.

Отсидеться дальше смысла уже не было, и Лоран вышел к людям. Он пересёк двор быстро и бесшумно. Служка увидел его первым, вздрогнул и вцепился обеими руками в подол куртки.

— Вы — начал он.

— Молчите, — проникновенным голосом предложил Лоран.

Коснуться каждого было бы эффективней, но, во-первых, вампир не хотел к ним прирагиваться, а во-вторых, даже со своей скоростью он не сумел бы загипнотизировать их до того, как кто-нибудь спохватится.

Один из рабочих послушно нагнулся за ремнём, будто его дёрнули за шиворот. Лоран подошёл к ящику, провёл пальцами по крышке, потом по железному краю, где осталась тёмная полоса. Свежая кровь. Ещё тёплая.

Он прислушался.

Изнутри доносилось тяжёлое дыхание. Неровное. С короткими паузами. Будто там лежал тяжело больной тифом.

— Что это? — спросил он, не оборачиваясь.

Служка молчал.

Лоран повернул голову и посмотрел на него.

— Что, — повторил он, — вы везёте?

— Не ваше дело, — выдавил тот. Плохо. Интересно, чем опаивала своих работников Розалия?

— Уже моё.

Рабочие переглянулись. Широкий зажимал пораненную руку под мышкой. Второй старательно смотрел в сторону. У всех был такой вид, будто каждый из них мечтает оказаться на другом конце континента.

— Больной, — наконец сказал служка. — Из изолятора.

— В ящике?

— Так велено.

— Кем? — больной, кем бы он не был, завозился и врезался в бок своей деревянной кареты.

Служка сжал губы, но всё же поддался

— Отцом Руджеро.

Занятно, кем же был этот Руджеро? Настоятелем больницы или приюта? Быть может, обоими разом? Это предстояло выяснить позже. Теперь же Лоран нагнулся и поднял с камня клочок с обрывком печати прачечной, испачканный кровью. Отметил про себя ещё две вещи: у самого колеса валялась темная бугристая ткань, а по дну повозки тянулась цепочка известковой пыли, будто ящик до этого уже волокли где-то по свежему камню.

— В подвал его, — сказал он. — И быстрее. У вас кровь уже на всём дворе.

Рабочие будто только этого и ждали. Служка хотел что-то возразить, но под взглядом Лорана передумал. Широкий сплюнул себе под ноги, перехватил ремень здоровой рукой и хрипло сказал:

— Ну, давай. Разом.

Они подхватили ящик и, ругаясь, втащили его в склад. Дверь за ними сразу захлопнули. Изнутри ещё немного возились, что-то двигали, гремели железом. Потом всё стихло.

Во дворе остался только служка. Стоял, как оглушённый, и смотрел то на дверь, то на Лорана.

— Вы не видели меня, — приказал Лоран.

Служка сглотнул.

— Я видел белого господина в хорошем жилете, — пробормотал он, — который шастает у церковных складов. А больше я ничего не видел.

— О нет, мой дорогой, — теперь, без лишних свидетелей, де Вир мог коснуться его. Взять за руку, молодого и перепуганного. Со стороны они, вероятно, выглядели ровесниками. Пары поглаживаний по запястью избавленными от перчатки пальцами хватило: — Вы и ваши подельники никого здесь не встречали. Меня не существует.

Служка заторможено кивнул. Его взгляд рассеянно устремился куда-то в даль. Вот и чудно.

Лоран сунул холст в карман, подобрал тряпку, завернул её в бумажку от вчерашней газеты и двинулся к выходу. Уже почти пройдя под аркой он остановился.

— Если ваш Отец Руджеро любит порядок, — добавил он, оглянувшись, — ему стоит научить людей мыть камень. Кровь под фонарём очень заметна.

И вышел, не дожидаясь ответа.

За первым же углом он остановился под навесом жестянщика, стянул вторую перчатку и осмотрел пальцы. На коже осталась тёмная полоса чужой крови. На манжете — известковая крошка.

Лоран сунул руку обратно в перчатку, поправил платок на шее и медленно пошёл прочь.

Глава 5

*Нарисованные лица
С очень острыми клыками
В старых замках на картинах
Смотрят на нас.
Они нас так сильно любят,
Они ночью нас погубят,
Ты в ответ им улыбайся
Последний раз.*

Мёртвые дельфины - Вампир

Вернувшись в «Три лилии», Лоран первым делом запер дверь, скинул фрак на спинку кресла и разложил на столе все свои находки.

Он ополоснул руки в тазу, вытер их полотенцем и только тогда позволил себе сесть. Кровь на коже успела потемнеть. Под ногтями забились известковая крошка. Лоран соскрёб её лезвием ножа для писем на блюдце, где ещё утром лежали каштаны. Рядом легла смятая записка с адресом Генделя. При виде собственного разрезанного рукава он испытал раздражение, почти несоразмерное беде: рубаха была новой, и за ней ему пришлось несколько месяцев назад ехать в Рошфор.

Он некоторое время просто смотрел на этот жалкий набор, и его не покидало неприятное чувство, что предметы эти слишком малы для той дряни, на которую указывали.

Потом он занялся рукавом. Кровь успела схватиться, ткань под пальцами стояла жёстко. Лоран намочил манжету в тазу, промокнул полотенцем и поднёс к лампе. Пятно побледнело, но въелось в нитки так, что вывести его без следа уже не получилось бы.

Сырое вечернее тепло, копившееся во дворе и коридорах, в комнате обернулось духотой. На столике у кровати стоял присланный хозяином флакон эссенции и тарелка с холодным мясом, уже успевшим заветриться. Лоран заставил себя выпить пару глотков. Аптечная кровь была жидкой, солоноватой и отдавала железом. После того, чем воняло во дворе святой Розалии, она казалась особенно скверной. Мясо он трогать не стал.

Он развернул записку Агрести, ещё раз прочёл имя — Ринальдо Гендель — и положил бумагу поверх больничного приказа. Находки были, безусловно, важные, но их не хватало для хоть какой-нибудь гипотезы. Два происшествия, пропажа и больной возле больницы, заточённый в деревянное подобие гроба, могли быть никак не связаны. А могли, наоборот, привести к одному — к Розалии, похищавшей обращенных.

Лорана даже посетило короткое, злое удовольствие при мысли о Мишеле: охотник наверняка весь день носился по комиссариату и моргу, уверенный, что работает один и лучше всех на свете. Было бы любопытно посмотреть на его лицо, когда он увидит, что удалось достать де Виру.

С лестницы послышались шаги. Человек поднимался быстро, не останавливаясь, и не старался ступать тише. Хозяин так не ходил. Тот вообще двигался, будто вечно просил у пола прощения за каждый шаг. Постояльцы, особенно обращённые, по вечерам были осторожнее. Лоран успел только натянуть вторую перчатку и подвинуть блюдце с известью ближе к лампе.

Стук в дверь оказался коротким и злым.

— Входите, мсье Ренар, — бросил Лоран, не повышая голоса. — Вы всё равно не уйдёте.

Дверь распахнулась. Мишель вошёл, захлопнул её плечом и остановился у порога. Плащ он не снял. На сапогах засохла грязь, волосы у висков слиплись, узел на затылке начал расплываться. Под мышкой он держал потёртую кожаную папку. Глаза его сразу скользнули по столу. Вид у него сделался ещё хуже, чем был при входе.

— Уже нашел, кого подставить? — процедил он, кладя папку на стол.

Лоран медленно сложил нож для писем.

— И вам добрый вечер.

Мишель подошёл, бросил папку рядом с блюдцем и ткнул пальцем в разрез на рукаве.

— Я, кажется, ясно сказал вчера, что без меня ты никуда не сунешься.

— Вы сказали много интересного, — отозвался Лоран. — Но не всё из этого было выполнимо.

— Не умничай.

— Не кричите.

Мишель резко втянул воздух через нос. На секунду Лорану показалось, что сейчас тот просто схватит его за горло, и мысль эта вызвала в нём не страх, а усталость. Всё это уже было. Угроза, ярость, попытка решить сложное через грубое. И всё же сегодня Мишель пришёл не с клинком.

— Я решил, — мягко отозвался Лоран, — что убийца сам себя не найдёт. Простите, если этим задел ваши профессиональные чувства.

Мишель даже не усмехнулся. Вытащил из папки плотную карточку и шлёпнул её на стол.

— Скрипач. Пропуск в святую Розалию. Играл у них по вечерам для больных.

Лоран взял карточку. На обороте стояла круглая печать больницы и размашистая подпись, уверенная, неразборчивая. Он положил её обратно.

— Очень трогательно.

Мишель уже доставал следующий лист.

— А это — показания рабочего из театра. Перед первым актом через служебный проход протащили длинный ящик. В списке реквизита его нет.

Лоран без лишних слов подвинул к нему обрывок то ли грамоты, то ли приказа.

— Прачечная святой Розалии. Снял с повозки.

Мишель развернул обрывок. Взгляд его задержался на синей печати, на крови по краю. Он сжал челюсти.

— Ты видел ящик?

— Видел.

— Где? — Мишель поскреб густую щетину на подбородке.

— Во дворе за прачечной святой Розалии

— И?

— И людей, которые его тащили. Они были напуганы.

— Не юли.

Лоран поднял глаза. В тёмных, злых глазах Мишеля помимо бешенства отражалось нечто иное. Там была ещё и подозрительность, старая, выношенная годами.

— Хорошо, — сказал Лоран. — Ящик был длинный, на ремнях. На крышке — кровь. Один из рабочих поранил руку, когда его тащили. Служка назвал имя: отец Руджеро. Этого довольно?

— Для начала.

Он уже разворачивал газетную бумагу.

— А это что?

— Лежало в повозке.

Мишель поднял тёмную бугристую тряпку двумя пальцами, будто боялся, что она шевельнётся. Приблизил к лицу, приносясь. Поморщился, сминая ткань в пальцах. Эта обстоятельность Лорану неожиданно понравилась. Он всегда подозревал, что за вспыльчивостью и грубостью у дознавателя была истинно Ренаровская дотошность.

— Кровь и щёлок, — наконец подытожил Мишель.

— Вы сегодня поразительно точны.

— А ты сегодня поразительно стараешься сдохнуть.

В другой вечер Лоран отплатил бы изящнее. Сейчас он только усмехнулся. Мишель уже вытаскивал из папки третий лист — копию врачебной записи.

— На входе у скрипача была известь, — отрывисто бросил он. — И волокно от грубой ткани. Врач сперва решил, что это мешковина, потом передумал. След на коже ему не понравился.

Лоран коснулся блюда.

— Известь тоже есть.

Мишель посмотрел на белую крошку, потом на тряпку. Несколько секунд он молчал. Лоран наблюдал за ним со смесью самодовольства и сочувствия. С удивлением он почувствовал почти то же, что иногда ощущал, играя с Арно в карты на деньги, — холодное удовольствие от того, как у второго в голове начинает складываться нужный рисунок.

— Откуда? — спросил Мишель, ткнув пальцем в адрес Генделя.

Лоран с совершенно непроницаемым лицом заявил:

— Не имею возможности раскрывать своих информаторов.

Лицо Мишеля скукожилось, став похожим на черствый финик. Летящий в плечо кулак Лоран остановил на подходе, и Ренара отдачей отбросило на несколько шагов назад. Так в лоб нападать на чистокровного было глупо.

— Сосредоточьтесь, мсье. Трупов стало многовато, не так ли?

Мишель зыркнул своими серыми глазами из-под свалившихся на лицо рыжих косм, но, кажется, успокоился. Вернул свое внимание к адресу.

— Гендель, — прочёл Мишель. — Кто он?

— Актуариус. Возился со счетами при церковном хозяйстве. Пропал три недели назад. Ещё один, Карло Летти, — дней десять назад. Курьер. Оба обращённые. Оба, по словам моего давнего друга, никому особенно не нужны.

— И ты веришь в его честность??

— Я верю в жадность. Она редко врёт в таких вещах.

— В жадность ты, значит, веришь, — Мишель коротко хмыкнул. — Это на тебя похоже.

Лоран пропустил это мимо ушей.

— А теперь слушай меня внимательно, — сказал он, понизив голос. — Если ты ещё раз полезешь в такое место один и из-за тебя всё сорвётся, я не стану ждать истечения трёх недель. Я оттащу тебя в Суд Баланса за шиворот и положу прямо на стол, со всеми твоими дорожными расписками. Понял?

Угроза вышла простая, грубая и совершенно серьёзная. Лоран даже не оскорбился. Мишель так, будто уже мысленно всё просчитал и не нашёл в замысле ничего невозможного.

— Понял, — де Вир пожал плечами. — А теперь, если вам стало легче, вернёмся к делу.

Мишель смотрел на него ещё секунду, явно прикидывая, не попытаться ли врезать ему ещё раз. Потом выдохнул сквозь зубы и дёрнул подбородком.

— Говори всё по порядку.

Много времени рассказ не занял.

— Отец Руджеро, значит. Ты уверен?

— Да.

— И ты просто ушёл?

Вот теперь в голосе опять появился тот старый укол подозрения, от которого Лоран за десять лет устал больше, чем от всех погонь и станций вместе взятых. Он почувствовал не злость даже, а глухую обиду, совсем ему не понравившуюся. Обида была слишком человеческой вещью, чтобы позволять ей жить дольше секунды.

— А что, по-вашему, я должен был сделать? — спросил он тихо. — Разбить ящик, дожидаться стражи и вручить вам на серебряном подносе?

— Я думаю, — Мишель наклонился над столом, и взгляд у него стал ещё жёстче, — что ты можешь быть куда хитрее, чем строишь из себя. Если бы ты хотел пустить меня по ложному следу, святой Розалии вполне хватило бы.

Внешне Лоран остался всё так же беспристрастен. Только внутри заворочилось неприятное понимание чужой правоты. Допускать такое было опасно.

— Так вот зачем вы пришли, — произнёс он наконец. — Проверить, не слишком ли я стараюсь?

— Я пришёл убедиться, что ты не водишь меня за нос.

— Тогда смотрите внимательнее.

Мишель стиснул зубы так, что Лоран увидел, как дрогнула жилка у виска. Потом охотник вдруг выпрямился, быстро собрал разложенные бумаги в неровную стопку, снова разложил и ткнул пальцем в карточку скрипача.

— Скрипач посещал святую Розалию. Исчезнувший актуариус на них работал. У прачечной и в театре видели, допустим, один и тот же ящик. И ты каким-то чудом опять оказался рядом. Если это всё, — Мишель обвёл рукой их скромные улики, — не твои подделки.

Лорану стало почти весело:

— Вы удивитесь, но меня самого это несколько беспокоит.

— Повторяешься.

Мишель резко развернул записку с адресом Генделя и коротко черкнул что-то на обороте карандашом.

— Комната Генделя. Идём сейчас же.

Лоран вскинул брови.

— Немедленно?

— Да. Пока туда не пришли раньше нас. Или пока ты не решил ещё куда-нибудь сунуть нос без меня.

Тон его был всё таким же жёстким. Лоран вдруг ясно понял, что на большее и не рассчитывал. Мишель не станет мягче, потому что совпали две бумажки и кусок окровавленного холста. Да и не нужно. С мягким Мишелем он бы, пожалуй, не знал, что делать.

Он надел фрак, проверил внутренний карман, где лежал маленький пистолет, и взял трость. Это движение было привычным и потому почти успокаивало. Мишель заметил оружие сразу.

— Надо же, — пробормотал он. — Я думал, ты предпочитаешь падать в обморок или перегрызать врагам глотки.

— Вам поведать, сколько болезней содержится в крови? Я бы не стал так рисковать.

— Посмотрим.

Лоран потушил лампу. Комната сразу сжалась до узкой полосы света из-под двери и бледного прямоугольника за шторами. На столе остались блюдце с известью, пустой флакон эссенции, тарелка с мясом.

Мишель распахнул дверь и отступил в сторону, пытаясь пропустить Лорана вперёд. Чего он боялся, интересно? Что вампир в самом деле бросится перегрызать ему глотку? Как будто до этого не было тысячи возможностей.

Квартира Генделя находилась над аптекой, на улице темнее и беднее тех, по которым ещё недавно текла публика после вечерни. Ставни первого этажа уже заперли. В окне наверху дрожал слабый свет. Подходя к двери, Лоран сразу заметил, что металл возле замка чище, чем на петлях: ключом пользовались недавно и явно не один раз.

Он хотел указать на это Мишелю, но тот уже стучал.

На втором этаже заскрипели половицы. Потом послышалось недовольное шарканье. Дверь приоткрыла женщина лет пятидесяти в ночном чепце. Увидев Мишеля, она насупилась.

— Что вам нужно? — прошипела она. — Ночь на дворе.

Мишель уже вытаскивал удостоверение.

— Комната Ринальдо Генделя. Открывайте.

Женщина отшатнулась.

— Я сегодня всё уже сказала.

— Скажете ещё раз.

— А вы кто такой, чтобы

Он шагнул ближе, и Лоран отметил, как быстро меняется выражение на чужом лице, когда на него начинают давить правильно подобранным тоном.

— Дознаватель, — коротко бросил тот. — Ключ.

Женщина сжала губы. Лоран почувствовал раздражение раньше, чем осознал причину. Мишель шёл самым коротким путём, и это было разумно, но люди от грубости часто впадали в тупую враждебность.

— Мадам, — мягко вмешался он, — мы не задержим вас дольше, чем необходимо. Вам и самой, я уверен, хочется, чтобы всё это закончилось.

Она перевела взгляд на него. Страх в ней никуда не делся, но смешался с любопытством. С любопытными Лоран всегда ладил лучше.

— Он давно не платил за комнату, — буркнула она, доставая из кармана передника связку ключей. — А теперь шастают один за другим. Днём уже приходили двое. Всё перевернули и ушли.

Лицо Мишеля помрачнело.

— После полудня? — спросил тот уже тише.

— Ну да. Бумагу показали. Церковную. Я что, должна была с лестницы их спустить?

Хозяйка наконец посторонилась, пропуская их в дом. Комната Генделя была маленькая, бедная и представляла собой ужасающий кавардак. Узкая кровать, комод, перевернутый стол у окна, таз на табурете, разворошенный чемодан у стены. На крючке висел поношенный сюртук. В тазу плавал пепел. Вещей было мало. Оставалось догадываться, сколько всего успели вынести.

Мишель сразу кинулся к столу. Сам Лоран задержался у порога и оглядел комнату целиком. Пыль, вода, следы, смятый угол коврика. Под кроватью темнела свежая полоса там, где что-то вытаскивали и заталкивали обратно. На подоконнике стояла перевёрнутая чашка. Возле умывальника виднелось мокрое пятно. Кто-то плескал туда воду уже после обыска. Возможно, смывал с рук пепел.

— Пусто, — бросил Мишель, выдвинув верхний ящик стола.

— Разумеется.

Лоран подошёл к печке и заглянул внутрь. Пепла было мало. Только несколько серых хлопьев и один обугленный уголок бумаги, не догоревший до конца. Он вытащил его щипцами для угля и поднёс к старенькой газовой лампе.

— Что там? — тут же отозвался Мишель.

— Цифры. И кусок слова.

Мишель бесцеремонно выхватил обрывок и сощурился.

— “раль”. Или “яль”. Чёрт.

— Бумаги жгли второпях, — заметил Лоран, кивнув на таз. — И уже после того, как здесь всё перерыли.

Во взгляде бывшего дознавателя мелькнуло короткое, неохотное признание. Лоран испытал от него то же удовольствие, какое испытывает от хорошо разыгранной карты человек, не привыкший проигрывать.

Мишель сорвал покрывало с кровати. Матрас оказался вспорот у изголовья, потом грубо зашит и снова распорот.

— Здесь что-то прятали, — буркнул он.

— Это и так видно.

— Не мешай.

Внутри матраса ничего уже не было. Только скомканная вата и маленький медный жетон с цифрой «4».

Мишель покрутил его в пальцах.

— Камера хранения?

— Или бельевая. Или конюшня.

Лоран между тем ковырялся в чемодане. Предыдущие нарушители оставили им не много. Там лежали две рубашки, старый обувной счёт, деревянные чётки и сложенный вчетверо листок. Почерк был мелкий, привычный к цифрам. Список расходов: свечи, щёлок, уголь, бельё, известь. Напротив двух строк стоял короткий крестик.

— Вот, — он протянул листок.

Мишель выхватил бумагу, пробежал глазами и выругался.

— Опять этот чёртов крест!

Де Вир едва сдержал тяжелый вздох. Мысль о том, что Гендель и сам начал что-то подозревать, отозвалась у него дурным холодком между лопаток. Он представил этого аккуратного вампира над своими списками, представил, как тот, вероятно, тоже сперва не хотел лезть глубже, а потом уже не смог остановиться. От этого стало не по себе.

Мишель вытащил из чемодана второй листок — помятый, с жирным пятном у края. Трактирный счёт. На обороте карандашом наспех написали: «П. Бьянки, восточный двор, после полуночи».

— Странно, что её оставили, — пробормотал Мишель.

За дверью осторожно покашливали. Хозяйка, видимо, караулила на лестнице, боясь за свой дом сильнее, чем за постояльца.

— Мадам, — позвал Лоран, — Бьянки — это где?

Дверь приоткрылась на палец.

— Конюшни у восточного двора, — ответила она. — Гендель пару раз бегал туда вечером. Зачем — не спрашивала.

Мужчины переглянулись.

На улицу они вышли быстро. У аптечной витрины горел одинокий газовый рожок. В лужице под ступенькой дрожал его жёлтый свет. Лоран на секунду задержался под навесом, поправляя перчатку. Он чувствовал усталость, голод и ту неприятную, но бодрящую собранность, которая всегда приходила к нему во время охоты. Мысль об этом слове позабавила его и сразу же испортила настроение.

— Бьянки, — коротко бросил Мишель. — Восточный двор.

— Вы заметили, что мы начинаем повторять маршрут мертвеца?

— Заметил.

— И вас это не тревожит?

— Меня тревожит всё, что связано с тобой, — резко ответил Мишель. — Но сейчас мы идём туда.

Конюшни Бьянки стояли на краю квартала возле трамвайного депо. Ворота были приоткрыты. Во дворе коптил фонарь, на поилке блестела влага. Где-то в глубине фыркнула лошадь, звякнула цепь.

Мишель уже сделал шаг вперёд, когда Лоран тронул его за локоть.

— Осторожнее.

Тот дёрнулся так резко, словно Лоран приложил к его руке серебро.

— Л-лапы убрал.

Де Вир тут же отодвинулся.

— Тогда хотя бы слушайте, — тихо произнёс он. — Внутри двое. Один у двери. Второй возится дальше, возможно, в стойле.

Мишель замер. Лицо его на секунду изменилось, и Лоран увидел в нём ту самую тяжёлую вынужденность, которую сам чувствовал весь вечер: им придётся пользоваться тем, что умеет второй. Хотят они этого или нет.

— Ладно, — буркнул Мишель после паузы. — Тот, что у двери, мой. Второй на тебе.

Доверился, надо же. Лоран не позволил себе даже усмехнуться. Он только поправил платок у горла, взял трость покрепче и вместе с Мишелем шагнул под навес конюшни.

Глава 6

*Ибо так возлюбил он кровь мира,
что отдал вечность свою, дабы
всякий, дающий ему пить, не погиб,
но стал частью тени его. Ибо не
для спасения пришел он в ночь, но
чтобы ночь длилась вечно.*

О рождении жизни

Под навесом конюшни горел одинокий масляный фонарь. Свет у него был слабый, желтоватый; его хватало на поилку, на мокрые доски у входа и на пару ближних стойл. Дальше началась тень. Из депо за пустырем время от времени доносился паровой свист, потом короткий звон металла. По рельсам, должно быть, перекатывали ночной вагон. Город и в этот час не думал спать.

Доски под навесом были старые, тёмные от влаги, в щелях набилась солома, а на нижней перекладине ближнего стойла засохла полоса крови, не смытая, а торопливо затёртая мокрой тряпкой.

Мишель остановился у входа.

Очень хотелось, чтобы де Вир оказался неправ. Хоть раз. Хоть в чём-нибудь. Чтобы весь этот вечер, вся эта беготня по чужим следам и собственная злость имели простой конец: бело-волосый мерзавец снова соврал, а он, Мишель Ренар, наконец получил повод влить ему пулю между рёбер.

Но известь была настоящая. Кровь — тоже.

— Здесь волокли ящик, — тихо произнёс Лоран.

— Я вижу.

Голос вышел грубее, чем нужно. Прекрасно. Пусть не думает, будто его наблюдательность кому-то доставляет удовольствие.

Мишель вошёл первым. Пальцы его сами легли на кобуру. Он терпеть не мог таких мест — в них слишком легко было спрятать любую дрянь. У стены, на перевёрнутом ящике, сидел парень лет двадцати. Коротко стриженный, с тяжёлыми веками, в жилете поверх серой рубахи. Он дремал, уронив подбородок на грудь. На коленях лежала недочищенная уздечка. В глубине стойл второй человек возился у кобылы, перебирая копыто железным крючком.

Лоран задержался на пороге. Втянул воздух. Лошадиный пот, мокрое дерево, овёс, старая кожа, мышинный помёт. Под всем этим — щёлок, известь и тонкий кислый след страха.

— Просыпайся, — Мишель хлопнул ладонью по ящику.

Парень дёрнулся, едва не уронив уздечку. Взгляд его скользнул по Мишелю, потом по Лорану, и служка заметно побледнел.

— Конюшня закрыта, синьоры, — парень сглотнул. — Хозяина нет.

— Какая беда, — Мишель достал помятый листок Генделя и ткнул ему в лицо. — П. Бьянки. Восточный двор. После полуночи. Твой хозяин?

И без того покинувший парня цвет теперь стремился к зеленоватому, будто его вот-вот сошнит. Руки его, ещё державшие уздечку, сжались так, что кожа скрипнула. В глубине стойл конюх перестал чистить копыто. Мишель не повернул головы. Не хватало ещё показать, что заметил.

Лоран молчал. Мишель кожей чувствовал его рядом и оттого раздражался сильнее. Когда вампир молчал, казалось, будто он уже прошёл на шаг больше, услышал на два звука дальше

и только ждёт, как бы ты сам выставил себя идиотом. Мысль эта была дурная, но слишком упорная, чтобы избавиться от неё.

Кобыла ударила копытом по доскам и глухо заржала.

Лоран тем временем остановился у крюка с упряжью. Провёл пальцами по ремню, поднёс руку к свету. На светлой перчатке осталась белая пыль.

— Известь, — негромко произнёс он. — И ремень ещё тёплый.

Мишель перевёл взгляд на конюха.

— С рынка вернулись?

Тот пожал плечами. Скребница ещё раз прошлась по лоснящемуся боку кобылы.

— Поздно было.

— Оно и видно.

Конюх ничего не ответил. Лошадь дёрнула ухом, повернула голову и ткнулась носом в рукав его рубахи.

— Я спрашиваю один раз, — он шагнул ближе к парню.

— Не знаю я никакого

Мишель схватил его за ворот, дёрнул вверх и впечатал спиной в стойку. Уздечка упала в грязную солому. Лошадь за перегородкой шарахнулась и ударила копытом.

— Неправильное начало.

Парень зашипел, хватаясь за его запястье.

— Отстаньте! Я ничего не сделал!

Лоран прошёл вдоль стойл, держа трость свободно, почти лениво. Не спешил, гад. Трость держал легко, перчатки чистые, подбородок чуть поднят. Прекрасный белый призрак в навозной яме. Мишелю хотелось швырнуть в него тем самым навозом просто из чувства равновесия.

— Руки, — Лоран остановился возле второго конюха.

— Чего? — тот выпрямился.

Он был широким, с короткой шеей и плоским лицом. В правой руке держал железный крючок для копыт. Крепко держал.

Мишель перевёл пистолет на него. Второй рукой вынул из кармана удостоверение. — Орден Дознавателей. Церковное расследование. Делай, что велят.

— Руки покажи, красавец. Пока они ещё на месте.

Конюх медленно поднял ладони. На правой руке, между большим и указательным пальцем, темнела свежая ссадина. Рваная. Припухшая.

Лоран склонил голову.

— Вы сегодня таскали ящик.

Мужчина промолчал, дёрнулся глазами к парню.

Хватило.

Мишель отпустил худого, резко развернулся и выстрелил в доску у ног конюха. Грохот разорвал конюшню. Лошади взвились, одна ударилась боком о перегородку, вторая захрапела так, что у Мишеля звякнули зубы.

Конюх отпрянул.

— Следующий раз стреляю в колено. А потом ты будешь рассказывать мне, как оно приятно щёлкает в дождь. Где Бьянки?

Пальцы сами нашли рукоять, большой палец взвёл курок. Вот это тело умело без всяких рассуждений.

— Зовут как, — Мишель повернулся обратно к парню.

— Маттео, — тот поднял руки. — Маттео Спина. Я только сторожу. Клянусь святой Агатой, я ничего не знаю.

Парень у стены всё ещё мялся.

— Из-за чего хоть...

— Или ты сейчас идёшь за Бьянки, или через час у тебя во дворе будет городской патруль, а к утру — люди из канцелярии с описью лошадей.

— Уехал хозяин, — конюх сплюнул на смятую с навозом солому. — Ещё до кормёжки. Сказал, если кто придёт, отвечать, что его нет.

— Кто должен был прийти?

Парень посмотрел на Лорана и зажмурился.

— Не знаю.

Лоран тронул носком сапога мокрую доску у третьего стойла. Сверху на неё насыпали свежую солому. Он присел, отодвинул солому тростью. Под ней проступила тёмная полоса, уходящая от ворот к дальней стене.

— Мсье Ренар.

Мишель оглянулся. Увидел след и отпустил парня. Маттео сполз по стене, кашляя. Ренар подошёл, вынул из внутреннего кармана складную измерительную ленту с латунной заклёпкой. Опустился на одно колено. Полоса была шириной с ладонь. По краям — две тонкие царапины от железных углов.

— Волокли тяжёлое, — он провёл пальцем по доске.

— Ящик, — Лоран посмотрел на конюха.

Тот по-прежнему держал руки поднятыми. Крючок лежал у его сапога. Пот стекал по шее в ворот рубахи.

— Я работаю за плату, — выдавил он. — Что прикажут, то и таскаю.

— Кто приказал? — Мишель поднялся.

— Хозяин.

— Бьянки?

Конюх кивнул.

— Где он?

— Уехал, вам сказали.

Лоран шагнул ближе. Мужчина напрягся, но отступить было некуда: за спиной стояла перегородка стойла.

— Он лжёт, — Лоран повернул голову к Мишелю.

Конюх замаялся, зажался весь, но ответил:

— Из больницы приходят с бумагой, — буркнул он. — Берут свежих лошадей и едут дальше. И что с того?

— Куда едут?

— На восточный двор. К старому карантинному складу.

— Гендель туда ездил?

— Не знаю такого, — мужик мотнул головой. — Они не представляются.

Его взгляд метнулся в сторону третьего стойла и тут же вновь упёрся в Лорана. Мишель это заметил. Заметил и де Вир. Тот уже стоял у кормушки, под которой на стене висел медный жетон с цифрой четыре.

— Он здесь что-то оставил, — спокойно произнёс вампир. — Судя по вашему лицу, давно.

Ему в ответ скривились:

— Сказал: если с ним что-нибудь случится, отдать дознавателю.

Мишель готов был рассмеяться. Ха, вот же, стоит перед ними! Пусть и отстранённый, но дознаватель собственной персоной.

— Где?

— Под кормушкой.

Лоран наклонился и вытащил жестяную коробку из-под табака. Крышка скрипнула. Внутри лежал старый медный ключ на бечёвке и сложенный вчетверо листок.

Махнул у Мишеля перед лицом, потом зачитал: «Склад 3. Нижний ход. После полуночи. Жетон 4». Развернул записку ещё раз, потом осмотрел ключ. На кольце была выбита римская тройка.

— Кто приходил днём?

— Двое церковных, — конюх присел на край кормушки, расставив ноги. — Один в чёрном пальто. Второй с канцелярской бородкой. Полезли в журнал выдачи лошадей, потом сожгли его в печке.

— Бумагу показали?

— Церковную. С печатью.

Мишель оглядел стойла. На крюке у третьей кормушки висел жетон с цифрой четыре. Под ним на досках белела известь. Возле поилки валялся обрывок свинцовой пломбы. Он поднял его, поднёс к свету. На свинце читались крест Баланса и буквы «С. Р.».

Святая Розалия.

Пломбу он убрал в карман к записке.

— Если сегодня ночью сюда снова кто-нибудь придёт, — произнёс он, — ты нас не видел.

Бьянки хмыкнул.

— Это угроза?

— Напоминание. Угроза начнётся утром.

Лоран к этому времени уже успел развернуть ремень, на котором была известь. Ногтем поскрёб кожаную кромку, поднёс к свету небольшой тёмный волосок, застрявший в шве, и посмотрел на конюха.

— А вот это уже любопытно. Вы, случаем, не возили сегодня свиней?

Конюх дёрнулся.

— Чего?

— Волос, — пояснил Лоран. — Жёсткий. Короткий. Для лошади не годится. Для человека тоже.

Мишель резко повернулся к Бьянки.

— Что везли?

— Я откуда знаю? Я в ящики не лезу.

— А кто лезет?

— Церковные шлюхи, очевидно. Или врачи. Я коней даю, остальное не моё дело.

Лоран поднял голову от ремня.

— Врёте.

Мужик искренне выругался.

— Да не вру я! Просто... — он замаялся, потёр ладонью лоб и всё же договорил: — Один из них, из церковных, ругался, что ремни опять не держат. И ещё про «четвёртый» говорил. Чтобы его до рассвета спустили вниз. Больше я не слышал.

Мишель и Лоран одновременно посмотрели друг на друга. Это длилось не больше секунды, но Мишелю и того хватило. Во взгляде вампира мелькнуло то же самое, что он сам почувствовал у себя под рёбрами: мерзкое оживление.

Де Вир же весь выглядел напряженным, как ищейка на службе. Кажется, ещё чуть-чуть, и его нос зашевелится. Интересно, что ещё привлекло его внимание? Долго ждать не пришлось.

— Бьянки здесь.

Маттео рванулся к выходу. Лоран оказался перед ним раньше, чем тот сделал три шага. Просто возник. Был возле стойла — стал у выхода. От этого Мишеля передёрнуло. Всегда передёргивало. К такому сложно привыкнуть, даже если полжизни провёл в обществе вампиров.

Парень налетел на Лорана и отскочил, как от стены.

— Не туда, — мягко произнёс вампир и ткнул его тростью в грудь.

Парень сел прямо в грязь. Глаза у него стали круглые.

— Господи

— Не начинай, — Мишель подошёл и вцепился ему в волосы, заставляя поднять голову.

— Господь сегодня занят.

В глубине конюшни что-то стукнуло.

Один раз.

Потом ещё.

Дерево о дерево. Мишель услышал это даже сквозь лошадиное фыркание и собственную злость. Лоран тоже услышал. Конечно. Проклятая белая сволочь слышала, наверное, как таракан за стеной меняет мнение о мироздании.

Мишель отпустил Маттео и пошёл на звук.

— Стоять всем.

Конюх сделал ошибку. Рванулся к крючку.

Мишель ждал этого. Хорошо, что ждал. Иногда Господь всё-таки подкидывает человеку маленькую радость.

Он ударил каблуком по кисти конюха. Тот взвыл, пальцы разжались, железный крючок звякнул о доски. Мишель тут же врезал ему рукоятью пистолета по лицу. Нос хрустнул. Конюх рухнул на колени, прижимая обе руки к морде, и загудел, как пробитый котёл.

— Вот теперь мне стало легче, — Мишель перешагнул через него.

Лоран посмотрел на него с тем мерзким спокойствием, которым обычно смотрят святые на фресках и врачи на ампутацию.

— Ваши методы всё ещё лишены изящества.

— Зато работают.

— Пока да.

— Ещё слово — проверю на тебе.

В последнем стойле сена было слишком много. Его накидали кучей возле стены, поверх старой кормушки. Мишель сунул туда сапог и сразу нащупал доску, легко сдвинувшуюся от давления.

Он присел, откинул сено. Под ним оказалась низкая дверца, врезанная в стену за кормушкой. На скобе висел новый замок. Дорогой. Гладкий. На таком ещё не успела осесть грязь. Ключ из табачной коробки сюда бы не подошёл.

— Ключ.

Маттео сидел у стойки, держась за лоб. Из-под пальцев текла кровь.

— Нет у меня

Мишель повернул пистолет на его правую ногу.

— Синьор, — парень выставил ладонь. — Левый карман. Жилета. Только не стреляйте.

— Вот видишь, как просто. Сразу бы так!

Ключ нашёлся в жилете. Мишель поймал его на лету, сунул в замок. Не подошёл. Руки у него вспотели, железо скользнуло. Он выругался, попробовал снова. Замок щёлкнул.

Завоняло страшно. Мишель выругался и прижал к носу рукав. Покосился на Лорана, но тот даже не дёрнулся. Пахло кровью и мочой, а ещё гнилью. За дверцей сидел некто, ещё напоминающий человека.

Старик походил на плохо связанный мешок костей: рот заткнут мешковиной, руки перетянуты за спиной, рубаха разорвана у ворота, один глаз заплыл. Седые волосы прилипли к мокрому лбу. Он дышал часто, тонко, с противным свистом.

Мишель выдернул кляп.

Мужчина захлебнулся воздухом.

— Воды

Мишель потянулся к фляге.

— Сначала пусть ответит на ваши вопросы, мсье, — Лоран присел рядом.

Мишель медленно повернул голову:

— Кто вы?

Пленник захрипел, с присвистом выдохнул:

— Вы меня, кх, спрашивали.

Это был Бьянки. Дьявол побери, это был Пьетро Бьянки!

Мишель принялся откручивать крышку фляги, когда конец трости ударил его по колену.

— Ему надо успеть сказать, кто сделал из его конюшни перевалочный пункт.

— Ему надо пить, — бывший Дознаватель раздраженно пихнул вампира в плечо. — И если ты ещё раз решишь за меня, кому жить до следующего вопроса, я забуду про договор.

Цепь на запястье тут же ожгла кожу. Боль прошла до локтя. Мишель стиснул зубы.

Лоран заметил. Разумеется, заметил. Сволочь всё замечала.

— Как пожелаете, — он отступил на полшага.

Мишель приподнял Бьянки за плечи и поднёс флягу к губам. Старик сделал два глотка, закашлялся, вода пошла по подбородку.

— Кто тебя запер?

— Мои — Бьянки закрыл глаза. — Мои же, сукины дети.

— Кто платил за ящики?

— Руджеро Через больничного. Я думал, бельё. Сначала думал — бельё. Потом — больные. Потом оно стало стучать.

— Что стало стучать? — Мишель наклонился ближе.

Бьянки облизнул потрескавшиеся губы.

— Четвёртый ящик.

Лоран поднял взгляд. Мишель увидел это краем глаза и сразу возненавидел весь мир ещё немного сильнее.

— Гендель приходил? — Лоран говорил тихо, но Бьянки услышал.

Старик открыл здоровый глаз.

— Приходил. Считал. Всё считал, зануда проклятый. Спросил, почему грузов четыре, а в списке три. Спросил, кто забирал ночные ящики. Я велел ему проваливать.

— И он провалил? — Мишель сжал флягу так, что металл хрустнул.

— Нет. Вернулся. С мальчишкой.

— С каким мальчишкой?

— Скрипачом. Из больницы. Передал записку. Сказал, если я не пойду в комиссариат, он сам пойдёт.

Вот ведь дрянь.

Мишель резко поднялся. В голове сразу стало слишком много всего: скрипач, пропуск, Розалия, ящики, Гендель, Летти, Руджеро. И посреди всего этого — белая морда де Вира, который опять оказался прав.

Маттео, воспользовавшись заминкой, вылетел на улицу. Какого дьявола вампир его отпустил?!

У Мишеля внутри что-то коротко и зло рванулось. Он сжал флягу так, что металл погнулся. Сверху скрипнула доска.

Мишель вскинул пистолет. Лоран поднял голову одновременно с ним. На сеновале, там, где свет фонаря уже не доставал до балок, что-то сдвинулось. Сено посыпалось вниз. Потом вниз упала капля.

На досках распустилось тёмное пятно.

Кровь.

Потолок треснул, на головы посыпалось сено и труха с перекрытий. Из провала свесилась рука. Узкая, белая, с темными пятнами на пальцах.

Мишель выстрелил.

Пуля ударила в балку, щепки брызнули в разные стороны. В темноте что-то завизжало — не по-человечески, высоко и дико. Лошади взбесились окончательно. Фонарь качнулся. Свет рванулся по стенам, по мордам животных, по белому лицу Лорана.

Когда Мишель добрался до перекрытий, наверху уже никого не было. Только чёрная тряпичная перчатка, набитая соломой, болталась на верёвке у расколоте балки; с пальцев её капала кровь, настоящая и ещё тёплая. Приманка. Простая, глупая, сработавшая безукоризненно. Мишель сорвал её, выругался так, что внизу Бьянки судорожно втянул воздух, и бросился к чердачному окну.

Створка была распахнута настежь. За ней темнела мокрая черепица, блестел железный жёлоб, а по крыше уходила цепочка следов — не ног, не сапог, скорее длинных смазанных пятен, как от ладоней и коленей. Лоран оказался рядом почти сразу, бесшумный и бледный в дрожащем свете фонаря, который Мишель держал над плечом.

— Оно ушло туда, — де Вир кивнул на крышу депо, где из трубы валил густой пар.

— Живое? — Ренар уже перелезал через подоконник.

— К сожалению, да.

Погоня заняла меньше минуты и не дала ничего, кроме сорванной кожи на ладонях, разбитой черепицы и злости, от которой у Мишеля дёргался глаз. Лоран шёл впереди: скользнул по жёлобу, перескочил через узкий провал между конюшней и пристройкой, на мгновение застыл у кирпичной трубы, потом вдруг потерял всю свою уверенность.

Там, у трубы, след оборвался. Не истончился, не ушёл дальше, не спрятался в обычном человеческом запахе. Просто исчез, раздавленный горячим паром, угольной гарью, машинным маслом и известковой пылью, которую ночной ветер гнал со стороны депо. Даже вампир опустился на одно колено, коснулся пальцами черепицы, поднёс их к лицу и ничего не сказал.

Маттео нашли на плоской крыше над сруйной, куда вела наружная пожарная лестница. Он лежал лицом к небу, одной рукой всё ещё сжимая край водосточного желоба, будто пытался удержаться или позвать на помощь. Горло у него не было разорвано, как у скрипача; шея ушла в сторону под неправильным углом, на серой рубахе чернели четыре узкие полосы, а возле уха засохла тёмная струйка. Убили быстро. Не кормились, не мучили, даже не задержались. Мишель присел рядом, проверил пульс машинально, без всякой надежды, и медленно разжал пальцы мертвеца. В ладони Маттео остался кусок серой ткани с синим краем церковной печати.

Внизу уже кричали люди Бьянки, лошади били копытами по доскам, из депо снова донёлся свист, и этот свист показался Мишелю почти издевательством. Летти исчез. Гендель, если ещё был жив, тоже не давал о себе знать. А то, что убило Маттео, не оставило за собой ничего, кроме пара, сломанной шеи и тёплой крови на тряпичной приманке.

Мишель поднялся, сунул обрывок ткани во внутренний карман рядом со свинцовой plombой святой Розалии и посмотрел на Лорана. Тот стоял у края крыши, неподвижный, напряжённый, с лицом человека, впервые услышавшего в темноте не добычу, а ответный шаг охотника. До рассвета оставалось слишком мало времени, чтобы лезть в старые подвалы. Зато у них были ключ с римской тройкой, жетон с цифрой четыре и название склада, куда кто-то этой ночью увозил длинные ящики с живым содержимым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.